

ПОЛИТ-

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

ЭКОНОМИЯ

**ТУПИК
ЛИБЕРАЛИЗМА**

ВОЙНЫ

Василий Галин

**Тупик либерализма.
Как начинаются войны**

«Алисторус»

2011

УДК 327
ББК 63.3(2)

Галин В. В.

Тупик либерализма. Как начинаются войны / В. В. Галин —
«Алисторус», 2011

ISBN 978-5-4320-0033-0

Автор данной книги В. В. Галин хорошо известен читателям по своим книгам «Запретная политэкономия», «Политэкономия войны» и т. д. Настоящая книга показывает, как торжество либеральных идей в мире неизбежно ведет к войне. Так было в начале XX века и в 1930-е гг., к этому же идет дело и сейчас. Почему торжество «демократии» является тупиковым путем в развитии человечества? Почему либерализм становится причиной самых кровавых войн в мировой истории? Поиску ответов на эти вопросы посвящено экономико-политическое исследование В.В. Галина, опирающееся на огромный массив документальных материалов и политэкономии.

УДК 327
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4320-0033-0

© Галин В. В., 2011
© Алисторус, 2011

Содержание

Версаль	6
Перемирие	8
Лига Наций	13
Репарации	16
Репарации внешние	16
Репарации внутренние	24
План Дауэса	28
План Юнга	34
Свобода торговли	39
Ограничение вооружений	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43
Комментарии	

Василий Галин

Тупик либерализма. Как начинаются войны

© Галин В.В., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

* * *

Версаль

Война не имела себе равной в истории по напряжению и по жестокости, с какой уничтожались человеческие жизни и имущество. Мир, в свою очередь, должен был открыть новый путь, ведущий к лучшему международному взаимопониманию... к устойчивому и справедливому миру.

Э. Хауз^[1]

Нашей первой задачей было заключение справедливого и длительного мира, и основание новой Европы на принципах, предотвращающих возникновение войн навсегда.

Ллойд Джордж^[2]

Подготовка к миру началась задолго до окончания войны. Будущее колониальное наследство Центральных держав было поделено тайными договорами между союзниками уже к середине войны. А в 1916 г. после побед генерала Брусилова в Англии и Франции были созданы комитеты по выработке условий предстоящего мирного договора. Каждый из победителей по-своему понимал принципы справедливости и видел свои пути к обеспечению мира. Лондон считал справедливым сохранение своего мирового лидерства на море и расширение своей величайшей в истории колониальной империи за счет побежденных. Мир и процветание Великобритании, веками обеспечивав баланс сил в Европе, она не собиралась отказываться от этого принципа и впредь. В Париже, в свою очередь, полагали справедливым требовать компенсации всех потерь, которые Франция понесла в Первой мировой, и возврата отторгнутых ранее Германией французских территорий. Мир и процветание Франции могло гарантировать только максимальное ослабление Германии и возвращение Парижу доминирующих позиций в Европе.

Мирные предложения союзников мало чем отличались от тех, которые господствовали в Европе в последние столетия и фактически закрепляли право войны. Они утверждали господство империалистических принципов, где война рассматривалась лишь, как форма проявления свободной конкуренции между народами. Мир союзников, по сути, воссоздавал те условия, которые и привели к Первой мировой войне. Европейцы не строили иллюзий и ждали мира лишь, как временной передышки. Однако на европейском горизонте вдруг неожиданно сверкнул луч надежды. Дж. М. Кейнс в те дни писал: «Что за великий человек пришел в Европу в эти ранние дни нашей победы!»^[3]

Этим человеком был американский президент В. Вильсон. Основные принципы его послевоенного мира покоились на «четырнадцати пунктах», подготовленных в исследовательском бюро Э. Хауза. В них империалистическому «миру» европейцев были противопоставлены новые принципы – принципы «демократического мира»¹. Они несли надежду измученным войной народам Европы. Не случайно Вильсона горячо встречали «в Париже, Лондоне и в английской провинции. Повсюду его приветствовали как вождя нового крестового похода за права человечества»^[4]. Во всем мире его ждали, как мессию².

---

¹ Чтобы как можно дальше дистанцироваться от империалистических держав – Англии и Франции, США даже вступили в войну не как союзник, а как ассоциированный член.

² 78-летний Клемансо определял расстановку сил между Вильсоном и Ллойд Джорджем следующим образом: «Я чувствую себя, словно сижу между Иисусом Христом по одну сторону и Наполеоном Бонапартом по другую». Вильсон, по его словам, «верит, что все можно сделать при помощи формул и «14 пунктов». Сам Бог удовлетворился десятью заповедями... Четырнадцать заповедей – это слишком». Отношение Вильсона к своей миссии характеризует его ответ на предложение французов посетить опустошенные войной районы Франции: «Это негативно повлияет на мое хладнокровие... Даже если бы Франция целиком состояла из орудийной воронки, это не должно изменить конечного решения проблемы». (Wilson W. Papers. V. LIV,

Тон, заданный американскими «пунктами», вызывал всеобщую эйфорию. В качестве примера реакции в США можно привести ликующую цитату из публикации в «New York Tribune»: «Вчерашнее обращение президента Вильсона к конгрессу будет жить, как один из величайших документов американской истории и как одно из неизменных приношений Америки на алтарь мировой свободы»^[5].

В Европе вторило издание «Дейли мейл»: «Невозможно было слушать документ, который зачитывал президент Вильсон... не ощущая при этом, что всемирные проблемы поднимаются на новые высоты. Старые представления национального индивидуализма, тайной политики соперничества в вооружениях, насильственных аннексий для своекорыстных целей и безоговорочного государственного суверенитета были подняты, хотя бы на одно мгновение, на более высокий уровень, где реально вырисовывалась перспектива организованной моральной сознательности народов, гласности международных соглашений и правления с согласия и для блага управляемых. Как долго продлится это мгновение?... Сейчас этого никто сказать не сможет. Можно сказать только то, что вчера в зале конференции царил дух созидания чего-то нового, чего-то неотразимого. Все речи были выдержаны в тоне людей, которые поистине не боятся творения собственных рук, а, наоборот, вполне сознают смелость попытки создать новую хартию для цивилизованного и нецивилизованного человечества»^[6]. В 1919 г. В. Вильсон за Версальский договор получит Нобелевскую премию мира³.

Однако еще до того, как отзвучали восторженные речи, переговоры о будущем мире пошли совсем не в том ключе, который провозглашали организаторы конференции. Победители споткнулись уже на первом вопросе.

р. 175–178. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 369)). Ллойд-Джордж в книге «Правда о мирных переговорах» не оставался в долгу: «Я думаю, что идеалистически настроенный президент действительно смотрел на себя, как на миссионера, призванием которого было спасение бедных европейских язычников... особенно поразителен был взрыв его чувств, когда, говоря о Лиге Наций, он стал объяснять причины неудачи христианства... «Почему, – спрашивал он, – Иисус Христос не добился того, чтобы мир уверовал в его учение? Потому, что он проповедывал лишь идеалы и не указывал практического пути для их достижения. Я же предлагаю практическую схему, чтобы довести до конца стремления Христа».

³ Кстати до Вильсона на Нобелевскую премию мира норвежскими социал-демократами был выдвинут... В. Ленин. Именно лидер большевиков в ноябре 1917 г. впервые официально провозгласил все те основные пункты справедливого демократического мира, которые год спустя повторит американский президент в своем воззвании: «Мир без аннексий и контрибуций» («Мир без победителей и побежденных»), отказ от тайных договоров, принцип наций на самоопределение и т. д. Неофициальный посланник президента в России Буллит в то время встревоженно писал В. Вильсону, что большевики захватили лидерство предложив самые демократичные принципы нового мира. (первоначально эти принципы были провозглашены, как партийная программа, российскими социал-революционерами в марте 1917 г.)

Перемирие

Окончание войны, по инициативе американского президента, должно было начаться с подписания перемирия между сражающимися сторонами. Это была не первая мирная инициатива Вильсона; как и предыдущие, она не вызвала восторга у «союзников».

«Не лучше ли нанести немцам поражение и дать немецкому народу возможность почувствовать подлинный вкус войны, что не менее важно с точки зрения мира на земле и лучше, чем их сдача в настоящий момент, когда германские армии находятся на чужой территории» — полагал Ллойд Джордж. В том же духе был настроен британский дипломат Х. Рамболд: «Было бы тысячекратно обидно, если бы мы прекратили битву до того, как разобьем их полностью на Западном фронте. Мы обязаны загнать их в их звериную страну, ибо это единственная возможность показать их населению, что на самом деле представляет собой война»^[7]. Петэн, Першинг и Пуанкаре настаивали на энергичном продолжении боевых действий. В Штатах республиканцы напоминали Вильсону старый лозунг генерала У. Гранта: «безоговорочная капитуляция». Противник президента сенатор Г. Лодж требовал «идти в Берлин и там подписать мир»^[8].

Мало того, немцы могут воспользоваться перемирием, считал Ллойд Джордж, перегруппировать свои силы и возобновить боевые действия^[9]. Английский премьер был недалек от истины. Как только ход союзнического наступления в начале октября 1918 г. приостановился, в правительстве М. Баденского возродились надежды, что положение *не безнадежно*. Людендорф приободрился и заявил, что «всеобщий коллапс можно предотвратить»^[10]. Как следствие, продолжение наступления французской армии встретило упорное сопротивление немцев.

Столкнувшись с открытой оппозицией своим взглядам, Вильсон был вынужден обмениваться нотами с немцами без оповещения своих «союзников». Споры с ними длились бы еще долго, если бы представитель президента ультимативно не потребовал от «союзников» принять американские условия мира. В противном случае Хауз пригрозил заключением сепаратного мира с Германией. Можно представить, какое влияние оказал этот ультиматум на «союзников», в финансовом и материальном плане уже давно и полностью зависевших от своего американского партнера^[11]. По словам Дж. Кейнса: «Европа находилась в полной зависимости от продовольственных поставок из Соединенных Штатов, а в финансовом отношении вообще, абсолютно была в их милости. Европа не только была должна Соединенным Штатам более того, чем могла заплатить, но и нуждалась в дальнейшей массовой поддержке, которая только и могла спасти Европу от голода и банкротства. Никогда еще ни один философ не держал в руках подобного оружия, связывающего правителей этого мира»^[12].

Как ни странно в Германии инициативы Вильсона также не встретили особого энтузиазма. Генерал Э. Людендорф утверждал: «Условия перемирия стремятся нас обезоружить... если... требования будут направлены на умаление нашего национального достоинства или лишат нас возможности защищаться, то наш ответ будет, во всяком случае, отрицательным»^[13]. Военно-политическая элита, несмотря на подавляющее превосходство противника, истощение ресурсов и голод в собственной стране, горела желанием продолжать войну. Людендорф заявлял: «Чтобы добиться мира, нам нужно было военной победой поколебать положение Ллойд Джорджа и Клемансо. До того о мире нечего было и думать... я не мог верить в какой-либо достойный нас мир»^[14].

Однако в словах Людендорфа уже звучали нотки пессимизма: «В общем, наши войска дрались хорошо, но некоторые дивизии... явно неохотно шли в атаку; это наводило на опре-

деленные размышления... С другой стороны, такие факты, как задержка войск у найденных складов и поиск отдельными солдатами продовольствия в домах и дворах, приводили к тяжелым сомнениям. Эти явления указывали на недостаток дисциплины... Отсутствие старых кадровых офицеров сильно давало о себе знать... К тому же в первой половине войны рейхстаг смягчил дисциплинарные взыскания... был отнят самый действенный способ дисциплинарного взыскания, а именно замена строгого ареста подвешиванием... В другое время смягчение наказаний пошло бы на пользу, но теперь оно оказалось роковым... Антанта своими значительно более строгими наказаниями достигала большего, чем мы»^[15].

Но если на фронте военная дисциплина в той или иной мере еще сдерживала эксцессы и брожения, то в тылу уже всюду бушевала революция. Так же, как и годом раньше в России, в Германии «большинство запасных частей... перешли на сторону революционеров»^[16]. Г. фон Дирксен вспоминал об октябре 1918 г.: «Германия – прямым ходом движется к революции... Повсюду маршировали матросы с красными флагами... В начале ноября был «захвачен» Магдебург, и стало вопросом нескольких дней, когда и Берлин постигнет та же участь». В Германии ясно ощущалась смертельная опасность «всеобщего хаоса и замедленного падения в пропасть... Коммунисты захватили власть... в Бремене, Саксонии и в Руре...»^[17].

Немецкие последователи русских большевиков – независимые социалисты и спартаковцы требовали немедленного мира на любых условиях. Социал-демократы хоть и голосовали за продолжение войны, но уже 7 ноября в день годовщины русской Октябрьской революции выдвинули ультиматум, требующий немедленного отречения кайзера и канцлера. Двусмысленную позицию СДПГ, прежде верной опоры существующего порядка, объяснял их лидер Ф. Эберт: «В тот вечер в городе происходят двадцать шесть митингов... мы должны выдвинуть ультиматум от лица всего общества, в противном случае все перейдут на сторону независимых социал-демократов»^[18]. Социал-демократы и генерал Гренер, чтобы перехватить инициативу у независимых и спартаковцев, сами стали создавать Советы, направляя туда надежных офицеров и членов партии.

В начале ноября над Берлином развевались красные флаги. К. Либнехт провозгласил свободную Германскую социалистическую республику. Транспаранты над демонстрациями, отличавшимися чисто немецкой дисциплиной, требовали «Свободы, Мира, Хлеба!». Солдаты массами переходили на сторону восставших. Генерал Гренер сообщил Вильгельму II, что армия больше не будет подчиняться ему. Это заявление подтвердили все высшие чины германской армии: «Войска не выступят против своей страны..., Они хотят лишь одного перемирия немедленно»^[19]. Рейхстаг походил на Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов. Принц М. Баденский передал власть социал-демократам во главе с Ф. Эбертом. Офицеры и кадеты, пытавшиеся организовать сопротивление, были быстро подавлены. Бавария провозгласила себя независимой социалистической республикой.

Генерал Гренер констатировал: четыре года страна стояла, как скала, а сейчас зараженная ядом большевизма она превратилась в труп. «Везде происходило хищение военного добра и полностью уничтожалась способность отечества к обороне. Исчезла гордая германская армия, которая выполнила невиданные в истории дела и в течение четырех лет противостояла превосходящему по силам противнику»^[20]. Западный фронт рухнул, солдаты толпами сдавались в плен. По словам Людендорфа: «Мир созерцал с удивлением эти события и не мог понять, что происходит: слишком невероятным являлся развал гордой и могущественной Германской империи... Антанта еще опасалась нашей силы, которая в действительности была уже уничтожена, продолжала делать все возможное, чтобы использовать благоприятный момент, поддерживая посредством пропаганды процесс нашего внутреннего разложения, и вынуждала нас заключить мир илотов...»^[21]

С немецких генералов слетел боевой пыл, теперь революция виделась им гораздо большей опасностью, чем даже мир Вильсона. Они, правда, пытались еще сыграть на угрозе боль-

шевизма. Людендорф пугал «союзников»: «Наш заслон против большевиков стал уже очень тонким и едва ли был достаточным. Генерал Гофман и я подчеркнули, что опасность большевизма очень велика, и настаивали на необходимости сохранить пограничный кордон»^[22].

Но маршал Фош предпочитал не предаваться иллюзиям: «До тех пор, пока германские делегаты не примут и не подпишут предложенные условия, военные операции против Германии остановлены не будут». Зачем Эрцбергер пугает союзников большевизмом: «Иммунитет к нему исчезает только у наций, полностью истощенных войной. Западная Европа найдет средства, как бороться с этой опасностью». Генерал Винтерфельдт попытался надавить на эмоции: «Бесчисленное число воинов погибнет зря в последнюю минуту, если боевые действия будут продолжены». Фош: «Я полностью разделяю ваши чувства и готов помочь в меру своих сил. Но боевые действия будут закончены только после подписания перемирия»^[23].

Союзники были и сами истощены войной, теперь же, размягченные ультиматумом Хауза, они все больше шли у него на поводу. Тот же Фош утверждал: «Я вижу в подписании перемирия только преимущества. Продолжать борьбу в текущих условиях означало бы подвергать себя огромному риску. Примерно пятьдесят или сто тысяч французов погибли при достижении необязательной цели. Я буду в этом упрекать себя всю оставшуюся жизнь. Крови пролито достаточно. Все, хватит». Клемансо: «Я полностью с вами согласен»^[24]. Ллойд Джордж позже в меморандуме из Фонтенбло указывал на другие причины, склонившие его к скорейшему заключению мира, – если немцам не предоставить справедливые условия мира, если немцам не дать альтернативные условия большевизму, то немцы обратятся в большевизм. Соглашение о перемирии было подписано 11 ноября 1918 г.

Британский генерал Першинг был огорчен: «Я боюсь того, что Германия так и не узнает, что ее сокрушили. Если бы нам дали еще одну неделю, мы бы научили их». И действительно, после подписания перемирия генерал фон Айнем, командир 3-й германской армии, обратился к своим войскам: «Непобежденными вы окончили войну на территории противника»^[25]. Принимая парад у Брандербургских ворот Эберт говорил солдатам: «Враг не победил вас. Никто не победил вас»^[26]. Армия возвращалась домой гордым маршем, она осталась непобежденной. Немецких солдат Германия встречала торжественно и радостно, как «героев», покоривших почти всю Европу. Вся Германия восклицала: «Мы не победили, но и не проиграли...»^[27]

К признанию ответственности за Первую мировую войну немцев осенью 1919 г. призывает только идеологический лидер германских социал-демократов К. Каутский: «Германский народ гнуснейшим образом обманут своим правительством и... вовлечен в войну. Теперь это... должно быть признано всеми честными элементами Германии... Это будет лучшим средством для Германии приобрести вновь доверие народов и устранить у победителей влияние милитаристической политики насилия, которая в настоящее время стала самой сильной угрозой покою и свободе всего мира»^[28].

В тот же год одним из лекторов, для противодействия революционной пропаганде среди солдат, военное командование Мюнхена направит только, что оправившегося от ран бывшего ефрейтора. Спустя четыре года он напишет: объяснение причины катастрофы Германии проигранной войной является наглой «сознательной ложью»^[29]. Виновниками катастрофы будущий фюрер назовет «партийно-политическую шваль» Эбертов, Шейдеманов, Бартов, Либкнехтов... «Разве эти апостолы мира не утверждали... что только поражение германского «милитаризма» обеспечит германскому народу небывалый подъем и процветание? Разве именно в этих кругах не пели дифирамбов доброте Антанты и не взваливали всю вину за кровавую бойню исключительно на Германию?»^[30]

Между тем принципы мира, предложенные В. Вильсоном, подкупали своей демократичностью. Говоря об их сущности, президент заявлял: «Разрешение вопроса, когда та или иная сторона остается раздавленной и исполненной духом мщения, не даст безопасности в будущем. Это должен быть мир без победы»^[31].

В соответствии с этим принципами должна была осуществляться и процедура перемирия. Дж. Кейнс пояснял: «Характер контракта между Германией и союзниками... ясен и недвусмысленен. Мирные условия должны согласоваться с обращением президента, а предметом занятий мирной конференции является обсуждение деталей их проведения в жизнь. Обстоятельства, сопровождающие этот контракт, носят необычайно торжественный и связывающий характер, ведь одним из его условий было согласие Германии принять статьи перемирия, которые были таковы, что делали ее совершенно беспомощной. Так как Германия обезоружила себя в уповании на контракт, то для союзников было делом чести выполнить принятые на себя обязательства; если эти обстоятельства допускали двусмысленное толкование, то союзники не имели права использовать свое положение, что бы извлечь для себя выгоду из этой двусмысленности»^[32].

Однако, как отмечает Дж. Фуллер: «Союзники не выполнили своих обязательств. Вместо этого поставив Германию в беспомощное положение, они, во-первых, отказались от процедуры, применявшейся на предшествовавших мирных конференциях, включая переговоры в Брест-Литовске, а именно устные переговоры с представителями врага, во-вторых, на всем протяжении конференции не снимали блокады, в-третьих, союзники разорвали в клочья условия перемирия. Как указывал представитель британской делегации Г. Николсон, «из двадцати трех условий президента Вильсона только четыре были с большей или меньшей точностью включены в мирные договоры»^[33].

Премьер министр Италии Нитти в книге «Нет мира в Европе» писал: «В современной истории навсегда останется этот ужасный прецедент: вопреки всем клятвам, всем прецедентам и всем традициям, представителям Германии не дали слова, им ничего не оставалось делать, как подписать мир; голод, истощение, угроза революции не давали возможности поступить иначе... Старый закон церкви гласит... даже дьявол имеет право быть выслушанным. Но новая демократия, которая намеревалась создать общность наций, не выполнила заповедей, считавшихся священными для обвиняемых даже в мрачное средневековье»^[34].

Союзные демократии использовали создавшееся положение в своих целях совершенно сознательно. У. Черчилль 3 марта 1919 г. заявлял в палате общин: «Все наши средства принуждения действуют или мы намерены пустить их в ход. Мы энергично проводим блокаду. Мы держим наготове сильные армии, которые по первому сигналу двинутся вперед. Германия находится на грани голодной смерти. Информация, которую я получил от офицеров, посланных военным министерством в Германию и объехавших всю страну, показывает, что, во-первых, германский народ терпит величайшие лишения, во-вторых, есть огромная опасность того, что вся структура германского национального и социального устройства может рухнуть под давление голода и нищеты. Именно теперь настало подходящее время для мирного урегулирования»^[35].

У. Черчилль объяснял жесткость своей позиции в отношении мирного договора: «Справедливость должна быть суровой. Не в интересах мира будущего было бы сделать так, что виновные нации, начавшие преступные действия, избежали бы безнаказанно последствий своих преступлений». Ллойд Джордж: «Это должен быть справедливый мир, сурово справедливый мир, бесконечно сурово справедливый мир. Недостаточно только восстановить справедливость, победа не являет собой простой эквивалент справедливости»^[36].

Пройдет двадцать лет, и в день начала Второй мировой войны – 1 сентября 1939 г. Гитлер заявит в рейхстаге: «Подписание договора было навязано нам под дулом пистолета, приставленного к виску, под угрозой голода для миллионов людей. А затем этот документ, вырванный силой, был провозглашен святым»^[37].

Пока же, по словам У. Черчилля «победители продиктовали немцам либеральные идеалы западного мира»^[38]. Конференция открылась 19 января 1919 г. в Зеркальном зале Версаля, в тот же день и в том же месте, где в 1871 г. было провозглашено создание Германской империи⁴.

---

⁴ Конференция закончится 28 июня в день убийства принца Франца-Фердинанда, послужившего началу Первой мировой войны.

Лига Наций

Мы способны создавать действенные миротворческие организации не более, чем люди 1820-х годов способны были построить электрическую железную дорогу. И все-таки мы уверены, что наша задача вполне реальна и, возможно, уже близка к разрешению.
Г. Уэллс^[39].

Главным пунктом своей программы В. Вильсон считал создание «ассоциации наций с целью обеспечения гарантий политической независимости и территориальной целостности, как для великих, так и для малых стран»^[40]. Не случайно первым вопросом на Парижской конференции американский президент поставил создание Лиги Наций. Вильсон провозглашал: «С созданием Лиги Наций спадет пелена недоверия и интриг. Люди смогут смотреть друг другу в лицо и говорить: мы братья, у нас – общая цель. В Лиге Наций у нас есть теперь договор братства и дружбы». Первоочередность создания Лиги Наций, по словам Хауза, определялась необходимостью «преодолеть социальную и экономическую смуту, которая неизбежно последует за войной, и чтобы из хаоса создать порядок»^[41]. В долгосрочном плане Лига Наций рассматривалась Вильсоном, «как первооснова, необходимая для постоянного мира». По его мнению, она должна была являться «фундаментом всей дипломатической структуры постоянного мира»^[42].

Союзники восприняли инициативу американского президента скептически⁵. Англия еще держалась за свои священные принципы «блестящей изоляции», которые на протяжении последних веков давали ей полную свободу действий и обеспечивая ее мировое лидерство. Отказываться от своих преимуществ Лондон не собирался. Лед тронулся, когда США разрешили Лондону ввести в совет Лиги пять своих доминионов Канаду, Австралию, Индию, Новую Зеландию и Южную Африку. Хауз обосновывал этот шаг своей страны тем, что «вернейшей гарантией мира во всем мире является тесная политическая дружба народов, говорящих на английском языке»... «успех Лиги в значительной мере будет зависеть от прочного сотрудничества между Соединенными Штатами и Великобританией с ее заморскими доминионами»^[43].

Для привлечения на свою сторону Италии Вильсону пришлось пойти против собственных принципов – отрицания тайных договоров, и фактически гарантировать помощь Италии в овладении Трентино, которую Англия и Франция обещали Италии по Лондонскому тайному договору.

Оставалась Франция, для которой Лига Наций имела какое либо практическое значение только в случае, если она могла защитить ее от Германии. Кроме этого французы горели желанием закрепить, полученное ими за счет победы Антанты в Первой мировой доминирование в Европе. В этих целях Франция потребовала создания международной военной силы, действующей под контролем Лиги Наций. В. Вильсон ответил категорическим отказом, поскольку «конституция Соединенных Штатов не допускает подобного ограничения суверенитета страны; лорд Р. Сесиль занял подобную же позицию в отношении Британской империи... заседание было прервано, причем создалось очень тяжелое положение»^[44]. Франция уступила только после того, как американский президент пообещал помощь Франции в случае «неспровоцированной агрессии Германии».

Создание Лиги Наций встретило трудности и в самих США. По словам Хауза: «Несомненно, народ Соединенных Штатов в подавляющем большинстве стоит за Лигу Наций. Это я могу заявить с полной уверенностью; есть, однако, много влиятельных кругов, в особенности

---

⁵ К этому времени, несмотря на декларации о «братстве» всех стран, из 27 стран, принявших участие в работе мирной конференции, все дела фактически решала тройка: Англия, Франция и США.

среди людей, относящихся с предубеждением к Великобритании, которые оказывают весьма значительное сопротивление в вопросе о Лиге»^[45].

У «влиятельных американских кругов», которые сначала поддерживали планы Вильсона, были свои мотивы. Они представляли себе Лигу Наций как своеобразное «акционерное общество», где США, имея абсолютное экономическое превосходство, фактически получали бы контрольный пакет над управлением всем миром. Сам В. Вильсон заявлял: «Становясь партнерами других стран, мы будем главенствовать в этом союзе. Финансовое превосходство будет нашим. Индустриальное превосходство будет нашим. Торговое превосходство будет нашим. Страны мира ждут нашего руководства»^[46]. Не случайно в этой связи Вильсон цитировал южноафриканского генерала Сметса: «Европа ликвидируется, и Лига Наций должна быть наследницей ее огромных достояний»^[47].

Европейцы почувствовали угрозу, таящуюся в новых принципах международной демократии провозглашенных Вильсоном. По мнению Клемансо они создавали возможность вмешательства во внутренние дела европейских империй. Противодействие европейцев заставило американцев засомневаться в достижимости их глобальных целей. Госсекретарь Лансинг уже 19 мая 1919 г. заявил, что Лига Наций бесполезна для Америки, что эффективно преодолеть сопротивление других великих держав США не смогут^[48]. Сам В. Вильсон в тот же день в послании конгрессу, вопреки логике создания Лиги Наций, настаивал на возведении тарифной стены вокруг американской экономики^[49].

Конгресс пошел дальше. Сначала он настоял на святости и нерушимости «доктрины Монро», определявшей специфические интересы США в Западном полушарии. В данном случае последнее фактически выпадало из сферы действия Лиги Наций. Этот пункт обрушал все основы программы Вильсона, мир снова делился на зоны влияния. Однако даже не этот факт становился решающим для судьбы Лиги Наций и мира. Главным стало возвращение американцев к политике изоляционизма. США шли тем же путем, что и прежде Англия.

Утверждая принципы изоляционизма, экс-президент Т. Рузвельт заявлял: «Мы не интернационалисты, мы американские националисты»^[50]. Но даже изоляционизм, сам по себе, казался уже ограничением «американской свободы». И самый громкий противник Вильсона, сенатор Г. Лодж провозглашал новый принцип американской внешней политики: «Это не изоляционизм, а свобода действовать так, как мы считаем нужным, не изоляционизм, а просто ничем не связанная и не затрудненная свобода Великой Державы решать самой, каким путем идти»^[51].

Американский конгресс отказался ратифицировать Версальский договор. А потрясенным европейским союзникам, которые пошли по пути, провозглашенному американским президентом, «без особых церемоний» было предложено лучше изучать американскую конституцию^[52]. По мнению У. Черчилля, этим решением американского конгресса Лиге Наций был нанесен «смертельный удар»^[53].

Комментируя решение американского конгресса генерал Н. Головин в те годы замечал: «При такой эгоистической точке зрения никакое моральное усовершенствование международных отношений невозможно, потому что всякий духовный идеал достижим лишь для тех, кто готов бороться за его достижение, а не только говорить о высоких принципах. Добрыми намерениями вымощена дорога в ад»^[54]. Подобную же мысль президент В. Вильсон высказывал еще до начала Версальской конференции: «Я не могу принять участие в мирном соглашении, которое не включало бы Лигу Наций, потому что такой мир через несколько лет приведет к тому, что не останется никаких гарантий, кроме всеобщих вооружений, а это будет гибельно»^[55].

Вместе с уходом США из Лиги Наций теряли силу и британские гарантии Франции, находившиеся в зависимости от обязательств США. Франция оставалась один на один с Германией. Правда, борьба за мир не прекратилась, но из принципа сосуществования она отошла в область стратегических интересов великих стран... Первыми начали США. Следуя собственной стра-

тегии «неограниченной свободы», в августе 1921 г. Вашингтон заключил сепаратный мир с Германией. Мирный договор провозглашал, что США будут пользоваться всеми привилегиями, которых им удалось достичь в 1919 г. в Париже, но не признают никаких ограничений, содержащихся в послевоенной системе мирных договоров.

В 1928 г. в США попытаются перехватить лидерство в мировых делах, посредством инициирования вместе с Францией подписания многостороннего пакта об отказе от войны как орудия национальной политики. Пакт Келлога по своей идеологии вступал в конкуренцию с институтом Лиги Наций. На деле это был чисто декларативный документ. Он изначально носил характер лишь морального, а не правового обязательства, мало того, интерпретации, внесенные Англией и США, фактически дезавуировали его⁶. Консервативная «Нью-Йорк ивнинг пост» по этому поводу замечала: «Пакт означает как будто так много, но на деле означает так мало»...^[56]. Нью-йоркский «Джорнал оф коммерс» указывал, что даже многие сторонники пакта считали его лишь «красивым жестом»...^[57]. Французы не строили иллюзий и начали вкладывать миллиарды в постройку оборонительной линии на границе с воинственным соседом. В 1928–1935 гг. на укрепление границ будет ассигновано 4,5 млрд. франков чрезвычайных кредитов.

20 сентября 1932 г. Гувер вообще заявит, что Версальский договор касается только Европы^[58]. В 1935 г. принцип американского изоляционизма будет закреплен в Законе о нейтралитете.

Ответ Гитлера последует 28 апреля 1939 г., после того, как Ф. Рузвельт накануне войны обратиться к нему с посланием о мире: «Мистер Рузвельт заявляет, будто ему совершенно ясно, что все международные проблемы можно решить за столом переговоров... Я был бы счастлив, если бы эти проблемы действительно могли решиться за столом переговоров. Скептицизм мой основан на том, что Америка сама продемонстрировала свое неверие в действенность конференций. Величайшая конференция всех времен – Лига Наций... представляющая все народы мира, была создана по желанию американского президента, однако первым государством, которое вышло из этой организации, были Соединенные Штаты... Я последовал примеру Америки только после долгих лет бесполезного членства...»^[59]

---

⁶ Единственным государством, которое сразу без всяких задержек и оговорок признало и ратифицировало пакт Келлога, был Советский Союз. Более того, он предложил своим непосредственным соседям (Польше, Литве, Эстонии, Латвии, Румынии, Финляндии, Персии и Турции) ввести пакт в силу немедленно, не дожидаясь всеобщего признания. Однако скоро наступило разочарование, как докладывал М. Литвинов И. Сталину в мае 1930 г.: «В настоящее время всем ясно, что пакт Келлога никакого влияния на разоружение не оказал. Англо-французское морское соглашение... англо-американское соглашение, закончившееся Лондонской конференцией, с ослепительностью молнии показали, что, несмотря на десятилетние разговоры в Лиге Наций о разоружении и на пакт Келлога, капиталистические государства намерены и впредь строить свои внешнеполитические планы и взаимоотношения на соотношении военно-морских сил, на учете новых войн...». (Советско-американские отношения..., с. 283.)

Репарации

Репарации внешние

Человечество не доросло еще до действительного проведения в жизнь начал «объективной» справедливости... каждый народ защищает свою «субъективную справедливость», свое «субъективное понимание права».

Н. Головин^[60]

Вторым пунктом вильсоновской программы стоял вопрос репараций. Принцип репараций, утвержденный в соглашении о перемирии, гласил, что Германия возместит весь убыток, причиненный немцами гражданскому населению союзников и их имуществу. Однако после заключения перемирия европейские представители Антанты потребовали включить в репарационные платежи, помимо ущерба гражданских лиц еще и косвенные убытки, и военные расходы, тем самым, по сути, превратив репарации в контрибуцию.

Франция потребовала от Германии 480 млрд. золотых марок, что в 10 раз превышало сумму довоенного национального богатства Франции, или в 200 раз превосходило сумму, которую французы заплатили немцам в 1871 г. и которую французы считали тогда чрезмерной^[61]. Англичане оценили репарации в 100 млрд., американцы – в 50 млрд., но и эту сумму последние называли «совершенно абсурдной»⁷.

Э. Хауз вообще считал бесполезным пытаться исчислять величину репараций: «Несомненно, что они были больше того, что Германия могла бы уплатить без разрушения экономической организации Европы и поощрения германской торговли за счет самих союзников. Весь мир только выиграл бы, если бы Германия сразу уплатила своими ликвидными средствами»^[62]. Дж. Кейнс утверждал, что: «страны Европы находятся между собой в такой тесной экономической зависимости, что попытка осуществить эти требования (выплаты репараций Германией) может разорить их»^[63].

Хауз полагал, что для Европы: «лучше признать Германию банкротом и взять с нее столько, сколько она фактически может заплатить...»^[64]. Кейнс предложил ограничить размер репараций 10 млрд. долл. (75 % годового дохода Германии за 1913 г.) с рассрочкой на несколько десятилетий^[65]. Кейнс предупреждал, что попытка навязать Германии непосильные репарации приведет к победе в Германии либо коммунизма, что стало бы прелюдией «к мировой революции и... к заключению страшного союза Германии и России...» либо реакции, что привело бы к возрождению «из пепла космополитического милитаризма...», представляющего угрозу безопасности в Европе, «так давайте же поощрим Германию и поможем ей занять достойное место в Европе, чтобы страна эта могла стать созидателем и организатором процветания и богатства...» – заключал Кейнс^[66].

Но у союзников были свои приоритеты. По мнению Кейнса: «Целью Клемансо было ослабление и разрушение Германии всеми возможными путями...»^[67] Пуанкаре в этой связи указывал: «Немецкий долг – дело политическое, и я намерен пользоваться им как средством давления»^[68]. Что касается непосредственно самого размера претензий, то здесь мнение правящих кругов Франции отражало заявление радикала Э. Эррио: «Ослабленная Германия нам не заплатит. Сильная она совсем откажется платить. Между двумя этими подводными кам-

---

⁷ По словам Э. Хауза Англия предъявила Германии предварительный счет на сумму в 120 млрд. долл., Франция на – 200 млрд. с рассрочкой платежа на 55 лет. Американцы настаивали, что счет не должен превышать 22 млрд. долл. (Дневник Хауза 21, 27 февраля 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 588))

ниями наш дипломатический корабль должен маневрировать»^[69]. Настроения, царящие по другую сторону Ла Манша, в Британии, передавал призыв Ллойд Джорджа «Они заплатят за все», который он сделал лозунгом своей избирательной кампании. «Политический инстинкт не подвел Ллойд Джорджа. Ни один кандидат не мог противостоять этой программе», – отмечал Кейнс^[70].

Однако у Германии действительно не было ресурсов, для того чтобы оплатить все предъявленные претензии, об этом гласила ст. 232 Версальского договора: «Союзники и ассоциированные члены признают, что ресурсы Германии... неадекватны требованию компенсации всех потерь и убытков»^[71].

Выход из положения нашел Клемансо, предложивший вообще не включать в договор какой-либо определенной суммы. «Месье Клемансо... выступил с заявлением, что о какой бы сумме, в конечном счете, ни договорились эксперты, для предъявления счета Германии эта сумма окажется значительно меньше, чем ожидает французский народ, а поэтому никакой кабинет, который принял бы ее как окончательную, не смог бы удержаться. М-р Ллойд Джордж... с готовностью присоединился к этой точке зрения»^[72].

В итоге в Версальском договоре относительно величины репараций было записано только то, что: «Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзниками и ассоциированными членами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников»^[73]. Предусматривалось, что Германия должна была погасить весь долг в течение 30 лет⁸. В феврале 1921 г. о общая сумма репараций была определена в 226 млрд. золотых марок⁹. В мае 1921 г. на Лондонской конференции она была снижена до 132 млрд. марок¹⁰, что составляло более 200 % предвоенного национального дохода Германии. Кейнс оценил, что назначенные Германии выплаты в несколько раз превышают ее платежные возможности¹¹. Пока же – осенью 1919 г. предполагалось, что выплата репараций должна начаться с 1 мая 1921 г., когда Германия должна будет выплатить первый транш в размере 20 млрд. марок золотом, товарами, ценными бумагами и т. д.

Договор предусматривал создание специальной комиссии по обеспечению репарационных выплат. Союзная комиссия получала «право не только изучать общую платежеспособность Германии и решать (в течение первых лет), импорт какого продовольствия и сырья необходим: гарантируя, что репарации являются первоочередной статьей расходования внутренних ресурсов страны, Комиссия уполномочена осуществлять управление налоговой системой... и внутренним потреблением Германии, а также влиять на экономику Германии путем решения вопросов поставок оборудования, скота и т. д., а также определяя график отгрузки угля»^[74].

Ст. 241 по сути окончательно превращала Германию в колонию: «Германия обязуется принимать, издавать и осуществлять исполнение любых законов, приказов и декретов, которые

⁸ В основе расчетов лежала «постоянно сумма, которую Германия сможет уплатить», максимальный срок принимался в пределах 30–35 лет. Так как «при более длительном сроке нарастающие проценты превысили бы сумму ежегодных взносов в счет основного долга» (Хауз..., т. 2, с. 642, прим.)

⁹ Ллойд Джордж предложил поделить репарации в соотношении: 50 % – Франции, 30 % – Англии, остальным странам – 20 %. Клемансо потребовал 56 % и «ни центом меньше». В итоге Франции досталось 52 %, Британской империи – 22 %, Италии – 10 %, Бельгии – 8 % и т. д. Американцы взяли свою долю, сразу секвестрировав всю германскую собственность на американской территории на сумму 425 млн. ф.ст. (более 2 млрд. долл., или свыше 8 млрд. золотых марок) и захватив германских кораблей общим тоннажем вдвое против потерянного.

¹⁰ Или 34 млрд. долл., срок выплаты репараций был увеличен до 37 лет. С 5 %-ной пеней на просроченные платежи. Это была огромная сумма для Германии, чей годовой ВВП в послевоенные годы составлял всего 40 млрд. золотых марок. Установленный союзниками ежегодный объем выплат составлял 4 млрд. золотых марок, т. е. 10 % ВВП. Вследствие экономического хаоса в стране, средний объем выплачивавшихся в 1920–1923 гг. репараций составил всего 1,7 млрд. золотых марок или примерно 4 % ВВП.

¹¹ Максимальная сумма репараций, которая могла быть выплачена Германией, по мнению Кейнса и британского казначейства, составляла всего 2 млрд. ф.ст. (≈ 10 млрд. долл., ≈ 42 млрд... марок) (Keynes J.M..., p. 186).

необходимы для полного исполнения настоящих положений»^[75]. Чтобы у немцев не возникало иллюзий, ст. 429–430 предусматривали прямую оккупацию войсками союзников германских территорий, в случае: «если... Комиссия по репарациям найдет, что Германия полностью или частично отказывается от своих обязательств по настоящему договору...»^[76].

Кейнс в этой связи замечал: «Таким образом, германская демократия уничтожается в тот самый момент, когда немецкий народ собрался установить ее после жестокой борьбы – уничтожается теми самыми людьми, которые в течение войны без устали утверждали, что собираются принести нам демократию... Германия больше не народ и не государство, она остается лишь торговым вопросом, отданным кредиторами в руки управляющих... Комиссия, штаб-квартира которой будет расположена за пределами Германии, будет иметь неизмеримо большие права, чем когда-либо имел германский император, под ее властью немецкий народ на десятилетия будет лишен всех прав в гораздо большей степени, чем любой народ в эпоху абсолютизма...»^[77].

Правда до выплат было еще относительно далеко, пока же, до их начала, помимо репараций, Германия должна была поставить победителям 371 тыс. голов скота, 150 тыс. товарных и 10 тыс. пассажирских вагонов, 5 тыс. паровозов, передать союзникам все свои торговые суда водоизмещением более 1600 т, половину судов водоизмещением свыше 1000 т, четверть рыболовных судов и пятую часть речного флота, поставить Франции 140 млн. т. угля, Бельгии – 80 млн., Италии – 77 млн. а также передать победителям половину своего запаса красящих и химических веществ. По Версальскому договору Германия также теряла 13 % территории, 10 % населения, 15 % пахотных земель, 75 % железной и 68 % цинковой руд, 26 % угольных ресурсов, всю текстильную промышленность и т. д.¹².

Мало того, Франции были предоставлены в собственность: все права на использование вод Рейна для ирригации и производства энергии, все мосты на всем их протяжении и наконец, под управление немецкий порт Kehl сроком на семь лет^[78]. Англичане, в свою очередь, прибрали к своим рукам зоны деятельности германского рыболовного флота. Все крупнейшие германские водные пути были отданы под управление союзников с широкими полномочиями, большинство локального и местного бизнеса в Гамбурге, Магдебурге, Дрездене, Штеттине, Франкфурте, Бреслау передавались под управление союзников, при этом, по словам Кейнса, почти вся мощь континентальной Европы находилась в Комитете по охране водных ресурсов Темзы или Лондонского порта^[79]. И это была еще только часть всех требований и претензий победителей.

Кейнс по этому поводу восклицал: «Что за пример бесчувственной жадности самообмана, после конфискации всего ликвидного богатства требовать от Германии еще и непосильных для нее платежей в будущем...»^[80].

¹² Справедливости ради размер союзнических репараций необходимо сравнить с запросами самой Германии. Она их продемонстрировала в Брест-Литовском договоре с Советской Россией. Тогда немцы фактически потребовали аннексий стратегических территорий, раздела и полного экономического порабощения России. Условия Брест-Литовского договора произвели шок на союзников. Э. Грей писал, что германский мир привел его в депрессию и что он не видит, «как быть в мире с людьми, правящими Германией». Его наследник на посту министра иностранных дел Бальфур вторил в январе 1918 г. своему предшественнику: война ужасна, но она «ничто по сравнению с германским миром». (Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, 395, 396. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 59, 74)) В случае победы над западными союзниками Германия, по словам Г. Ремпела, собиралась содрать с них в четыре раза больше, чем они впоследствии определили ей. (Rempel G. Western New England College.) В цивилизаторском плане, по мнению Тойнби, она «низвела бы Запад до состояния хаоса «вооруженного грабежа, неизвестного нам со времен Столетней войны и подвигов Карла Лысого; она смела бы начисто работу четырех столетий, уничтожила бы не только национальное самоуправление, введенное английской и французской революциями» (Toynbee A. J. Nationality and the War. Lnd., 1919, p. 275 (Уткин А. И. Забытая трагедия..., с. 74–75)). Есть и еще одна оценка условий Версальского договора она принадлежит У. Додду, американскому послу в Берлине. По его мнению, Версальский договор был «совсем не так плох по сравнению с тем, что Соединенные Штаты навязали побежденному Югу в 1865–1869 годах, и что привело к пятидесятилетнему экономическому угнетению этого района, более суровому, чем все тяготы, выпавшие на долю Германии». (Додд У..., с. 164.)

Но Кейнса больше всего потрясло даже не это, а беззастенчивая и безвозмездная экспроприация, защитниками святости частной собственности¹³... частной германской собственности за рубежом и отторгаемых территориях (т. е. в США... колониях, Эльзасе и Лотарингии и т. д.) По договору союзники «сохраняли за собой права удерживать и ликвидировать всю собственность, права и интересы, принадлежавшие, до дня вступления мирного договора в силу, германской нации или компаниям, контролируемым ею...»^[81]. Но и это было еще не все, например, в случае задержки Германией выплаты репараций союзники получали диктаторские полномочия в отношении любой германской собственности, где бы она ни находилась, когда бы она не была создана или приобретена (до подписания договора или после)^[82].

Американские представители Бэйкер и Сид обvinили англичан и французов в «жадности» и пеняли на Хауза, который дает «жадным все, чего они требуют»^[83]. Однако «жадность» европейских союзников отчасти объяснялась претензиями самих американцев – европейцы соглашались снизить требования по репарациям в обмен на пропорциональное снижение долгов¹⁴. Однако Вашингтон свои военные кредиты союзникам к союзническим военным расходам не относил и требовал покрытия по ним в полном объеме, вместе с процентами¹⁵. «Ни одна встреча в верхах по поводу репараций не обходилась без единодушного обращения к американским представителям с мольбой о списании внутрисоюзнических долгов, – отмечал в этой связи Л. Холтфрерих. – Но каждая такая просьба встречала... отказ США»^[84].

Проблема состояла не только в самих военных долгах, но и в форме их выплаты. Так, Дж. Кейнс предложил через специальные бонны, которыми бы расплачивалась Германия, передать США право на взыскание долга прямо у Германии, из ее репараций^[85]. В ответ *Казначейство США в категоричной форме отказалось даже обсуждать связь между долгами и репарациями. Долг должен быть выплачен и все*^[86]. Таким образом, долги превращались в американское «экономическое оружие» давления на европейцев.

Богатейший человек Германии – В. Ратенау, в свою очередь, предложил взять на себя союзнические долги, целиком выплатив их Америке в размере 11 млрд. долл. выполнив 41 платеж по 1,95 млрд. долл. каждый. Таким образом, Германия будет должна только США и снимет с Европы бремя взаимных обид и претензий^[87]. На этот раз против выступили не только американцы, но их европейские союзники: «Такой компромисс неприемлем ни в коем случае»^[88]. Каждый хотел получить свою долю германского наследства.

В январе 1919 г. Хауз фактически отрицал распространение союзнических обязательств на свою страну: «Все свидетельствует о том, что союзники все больше утверждают в своем намерении не возвращать нам денег, к которым мы дали им займы. И во Франции и в Англии приходится слышать доводы, что мы должны полностью уплатить свою долю в общем военном долге союзников, что мы должны были вступить в войну гораздо раньше и что их борьба являлась также и нашей борьбой. Что касается меня, то я с этим никогда не был согласен. Я всегда считал, что Соединенные Штаты достаточно сильны, чтобы самим позаботиться о себе; мы никогда не боялись немцев, и мы бы не стали их бояться, даже если бы Франция и Англия были опрокинуты»^[89]. Американцы превращали мировую войну, в которой они на словах приняли

¹³ В это самое время Англия, Франция, США... вели «крестовый поход» – интервенцию в Советскую Россию главным формальным поводом для, которой служила именно экспроприация большевиками частной собственности.

¹⁴ Сумма долгов союзников перед США составляла 10 млрд. долл., что равнялось примерно 1/3 от величины германских репараций, определенных лондонским ультиматумом в мае 1921 г.

¹⁵ Счет по долгам «союзников» американский министр финансов представил накануне Рождества 1918 г. К 1920 г. проценты по долгу достигли 66 млн. ф.ст. ежегодно.

участие во имя торжества демократических принципов, на практике в сверхвыгодный бизнес на европейской крови.

Между тем европейские союзники все резче настаивали на аннулировании военных долгов; по словам Дж. Кейнса разразилась настоящая «межсоюзническая долговая война»^[90]. Сам Кейнс утверждал, что эти военные долги «не соответствуют человеческой природе и духу века»^[91]. В мае 1919 г. Кейнс выдвинул план «Оздоровление европейского кредита», по которому участники войны прощали друг другу свои военные долги¹⁶. Хауз тогда с тревогой писал президенту «Если мы не добьемся урегулирования расчетов... то несомненно, что нам не удастся полностью взыскать следуемые нам долги и также несомненно, что мы навсегда станем ненавистны тем, кому мы предоставили займы»^[92]. «Не кажется ли вам... целесообразным, – продолжал Хауз, – предупредить наш народ о том, чтобы он не ожидал полной уплаты долгов Антанты? Не следует ли подать мысль, что значительная часть этих займов должна рассматриваться как доля неизбежных наших военных расходов и не лучше ли было бы нам, а не нашим должникам, предложить урегулирование расчета? Если уже делать, то лучше делать это с *beau geste*»^[93].

Уже к середине 1919 г. Э. Хауз однозначно приходил к выводу, что разоренные войной европейские страны просто физически не смогут покрыть своих долговых обязательств. Требование возврата долгов, по его мнению, привело бы их к банкротству, которое отразилось бы на кредиторах не менее пагубно, чем на должниках^[94]. Поэтому в обмен на снижение репарационных претензий союзников в Германии Хауз предложил списать часть их военных долгов Америке. При этом он подчеркивал, что делает это «не потому, что на Соединенных Штатах лежали какие-либо моральные обязательства, а просто исходя из принципа, что с деловой точки зрения долги, которые нельзя взыскать, благоразумнее списать»^[95]. Была и другая причина подталкивавшая Хауза. По его словам, над европейскими странами «навис огромный долг, проценты по которому можно уплатить только с помощью чрезвычайных налогов. После войны заработная плата неизбежно должна понизиться, а налоги – повыситься. Это может привести чуть ли не к восстанию»^[96].

На мольбы европейцев Вильсон ответил отказом, заявив, что он «постоит за свою страну»^[97]. Мало того, США в 1922 г. приняли закон Фордни-Маккумбера поднявший таможенный тариф (Таможенные сборы (% от объема облагаемого пошлинами импорта) выросли с 5 до 40 %)^[98], препятствуя тем самым ввозу европейских товаров. Но только посредством продажи своих товаров на американском рынке европейцы и могли получить доллары для погашения своих долгов Соединенным Штатам^[99]. Другими словами, в результате повышения таможенных пошлин, расчетная величина долгов европейцев Америке автоматически выросла почти на треть.

Версальская конференция закончилась, а вопросы репарационных платежей и долгов так и остались неурегулированными. «Ллойд-Джордж в значительной степени поддавался требованиям печати и народных масс, настаивавших, чтобы он самым категорическим образом «заставил их платить»»^[100]. Французский лев Клемансо горел желанием взять все и требовал во исполнение Германией репарационных условий оккупировать ее промышленные центры на 30 лет^[101]. Он ссылаясь на то, что в 1871 г., то же сделали немцы¹⁷. Хауз объяснял при-

¹⁶ С практической стороны позиция Лондона объяснялась безнадёжностью возврата его собственных военных кредитов. Союзники были должны Великобритании 1,7 млрд. ф. ст., однако они были слишком разорены войной, чтобы иметь возможность покрыть их. Наиболее определенной в этом плане была позиция большевиков, которые придя к власти, аннулировали все долги царского и Временного правительств, на которые приходилась почти половина военного долга союзников Великобритании. Доля же германских и прочих репараций приходившаяся на так же разоренную войной Англию, не покрывала потерь, связанных с выплатой ее собственного долга США, который составлял 0,86 млрд. ф. ст.

¹⁷ Немцы, правда, ввели оккупацию только на пять лет. Для того чтобы оказать давление на позицию Вильсона, правительство Франции дало специальные тайные инструкции прессе: «1) подчеркивать факты республиканской оппозиции Вильсону в Америке; 2) подчеркивать состояние хаоса в России и необходимость союзной интервенции; 3) убеждать читателя в

чину такого поведения лидеров союзных держав тем, что: «Премьер-министры далеко не обладали полнотой верховной власти. Разбудив во время войны народные страсти, – а это являлось изведанным средством воюющих сторон, – они породили франкенштейнское чудовище, перед которым они теперь сами были беспомощны. Они могли идти на компромисс, если они были достаточно искусны, но уступить им не позволили бы»^[102].

По мнению Хауза: «Если бы в этот критический момент мсье Клемансо и м-р Ллойд Джордж хоть несколько больше доверяли собственным силам, они присоединились бы к президенту Вильсону и навсегда уладили бы этот вопрос о возмещении немцами убытков», таким образом можно было бы избежать «в значительной мере ужасных последствий длительной неустойчивости, терзавшей Европу и весь мир в результате того, что мирная конференция закончилась, оставив нерешенной проблему германских платежей»^[103]. Возможность, по словам Хауза была упущена «из-за того, что англичане и французы пожелали невозможного, требуя, чтобы Германия оплатила всю стоимость войны...»^[104].

Хаузу грех было упрекать европейцев, ведь того же самого фактически требовал и его шеф – В. Вильсон. Хауз, в этой связи, делает оговорку, намекая, что на позицию президента США повлияли «довольно влиятельные элементы американского общественного мнения», которые «откровенно выступали против вильсоновской программы. Их лейтмотивом было: «Пусть Германия заплатит за свои злодеяния»... Примером могут являться слова экс-президента Т. Рузвельта: «...м-р Вильсон в настоящее время не имеет никакого права говорить от имени американского народа... Пусть они (союзники) утвердят свою общую волю над народами, ответственными за чудовищную катастрофу, которая едва не погубила человечество»^[105]. По словам Хауза политика Вильсона стояла «перед лицом враждебной и влиятельной хунты в Соединенных Штатах...»^[106].

По мнению Э. Хауза, основным бедствием, порожденным версальским миром, стало отсутствие договора об урегулировании послевоенных финансовых претензий, именно он «предотвратил бы крах валютных систем континентальной Европы. Он помог бы избежать многолетней затяжки в урегулировании репараций, затяжки, которая имела трагические последствия. В центрально-европейских странах бесполезно принесены были в жертву бесчисленные жизни молодежи и стариков; можно было бы избежать отчаянной нищеты среди слоев населения, имеющих твердо ограниченные доходы, ставших жертвами обесцененных валют»^[107].

* * *

Взыскание репараций началась 9 февраля 1921 г., когда сенат США потребовал от союзников выплаты всех долгов «до последнего пенни». Спустя три месяца в мае 1921 г. в Лондоне союзники предъявили Германии ультиматум, потребовав немедленной выплаты 1 млрд... золотых марок, как аванса в счет репараций^[108]. Общая сумма репараций по лондонской схеме составила 132 млрд... марок (34 млрд... долл.)¹⁸. Франция отказывалась принимать репарации в виде немецких услуг или товаров. Британия в свою очередь 24.03.1921 приняла Закон

способности Германии платить большие репарации». (Уткин А. И. Унижение России..., с. 411)

¹⁸ 82 млрд. марок следовало представить в виде специально выпущенных для этой цели ценных бумагах, которые следовало оплатить в обозримом будущем. Остальные 50 млрд. следовало оплачивать с темпом 2,5 млрд. марок в год для погашения процента и 0,5 млрд. марок для уменьшения собственно долга (Carroll Quigley, *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time* (New York: Macmillan Company, 1966, p. 305). Ежегодный транш составлял приблизительно 5,8 % ВВП Германии за 1921 г. или 40 % годовой стоимости размещенных за границей государственных ценных бумаг и облигаций (Gerald Feldman, *The Great Disorder. Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924*. (Oxford: Oxford University Press, 1977), p. 400). Возместить все это количество золотом или иностранной валютой представлялось абсолютно немыслимым (Geminello Alvi, *Dell'estremo occidente. Il secolo americano in Europa. Storie economiche* (Firenze: Marco Nardi Editore, 1993), p. 177). (Препарата Г..., с. 177).

о погашении репараций, обложив все ввозимые германские товары 50 % пошлиной (с 26 мая пошлина снижена до 26 %).

К маю Германия выплатила только 40 % из тех 5 млн. долларов, которые она должна была предварительно заплатить согласно Версальскому договору. Первый платеж вызвал падение марки с 60 до 100 марок за долл. Германия сильно пострадала от утечки золота, которое по закону должно было покрывать стоимость каждого бумажного банкнота в соотношении 1/3. В мае Центральный банк Германии временно приостановил конвертирование марки в золото^[109]. Тем не менее к 31 августа 1921 г. Германия выплатила первый миллиард репараций в золотых марках. Деньги были собраны под поручительство международной банковской сети и превращены в тысячи тонн золота и серебра^[110]. Последствия не заставили себя ждать.

Марка рухнула. Если в середине 1922 г. за доллар давали триста марок, то к концу семь с половиной тысяч. 9 января 1923 г. Франция обвинила Германию в нарушении обязательств. Два дня спустя 17 000 французских и бельгийских солдат в сопровождении группы горных инженеров вступили в Рур. Оккупированная область не превышала 60 миль в длину и 30 – в ширину, но на этой территории проживали 10 % населения Германии и производилось 80 % немецкого угля, чугуна и стали; в этом районе была самая густая железнодорожная сеть в мире. Публично Британия осудила вторжение¹⁹, но не шевельнула и пальцем, чтобы ему воспрепятствовать^[111].

Оккупанты ультимативно потребовали от предприятий «дани», уже на 20 % большей, а за отказ угрожали военным судом, то есть расстрелом. Ответом стало поддержанное Берлином «пассивное сопротивление»: добыча угля и работа предприятий не прекращались, но железнодорожники и рейнские водники парализовали транспортную сеть, и прекратили вывоз сырья во Францию. Тогда французы и бельгийцы вызвали своих железнодорожников. Сопротивление нарастало, заводы останавливались. В «конце марта французские войска расстреляли из пулеметов демонстрацию рабочих на территории завода Круппа в Эссене – тринадцать убитых, тридцать раненых. В похоронах приняло участие более полумиллиона человек, а французский военный суд приговорил хозяина фирмы и восемь его служащих, занимавших руководящие посты, к 15 и 20 годам тюрьмы»^[112].

Французы дополнительно воспользовались услугами... поляков, которые тут же призвали военнообязанных и направили их в Германию для обслуживания рурской промышленности и транспорта. На западе Германии при негласной поддержке Франции была провозглашена Рейнская республика. По словам Кейнса у французов бытовало мнение, что путем угроз, взяток, обмана и лести им еще удастся создать независимую Рейнскую республику под французским протекторатом^[113]. Идея не удалась. Французский посол в Берлине позже сокрушался: «Мы должны (были) захватить немецкую территорию вплоть до Рейна. Вильсон помешал нам сделать это»^[114]. В итоге Рейнская республика переродилась в Рейнскую демилитаризованную зону, оккупированную войсками союзников, причем содержание оккупантов возлагалось на рахитичный германский бюджет^[115].

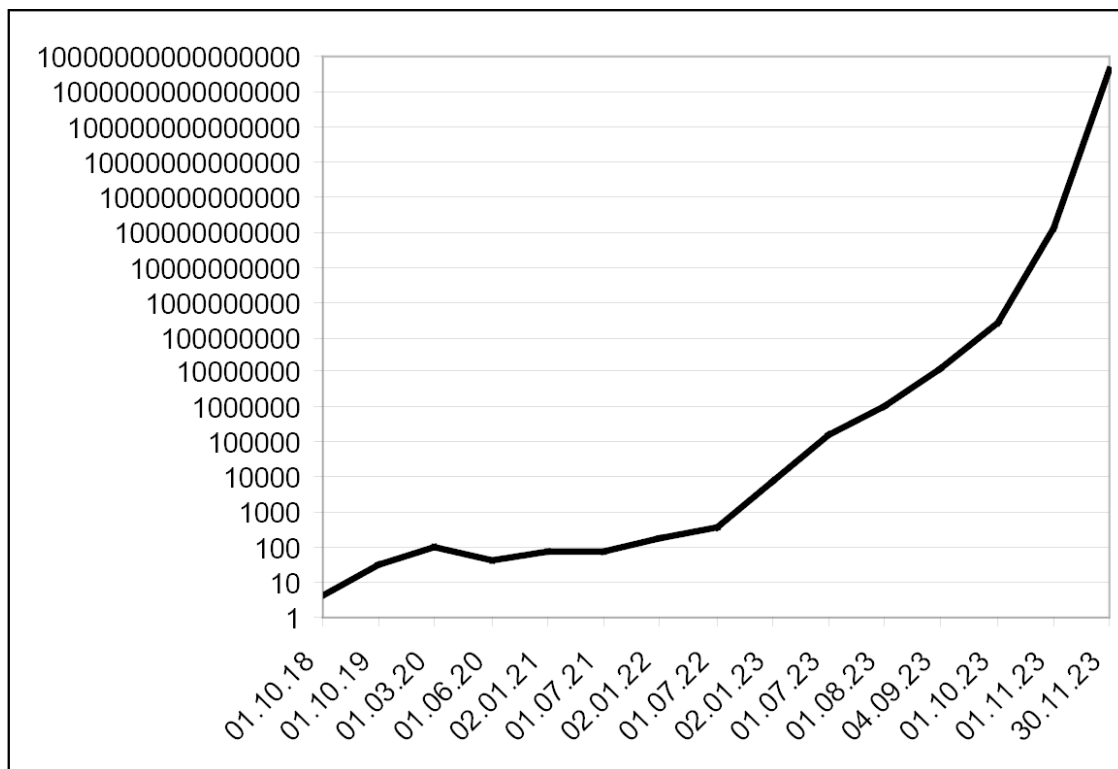
«Рурский кризис» привел резкому падению производства и гиперинфляции. К марту 1923 г. доллар стоил уже 21 тысячу марок, к 1 июля 160 тыс., к 1 августа – 1 млн., к сентябрю 110 млн., к декабрю – более 4 млрд.²⁰ Меры, предпринимаемые немецким правительством

¹⁹ Дж. Фуллер приводил слова членов британского парламента и отзывы прессы на оккупацию Рура Францией: Дж. Саймон заявил, что это, по существу, «акт войны». Ч. Робертс: «Роковые мероприятия, проводимые сейчас, в конечном итоге могут привести только к одному результату – новой мировой войне, которая, по моему мнению, будет означать закат цивилизации». Р. Беркли: «Если и было в прошлом когда-нибудь действие, граничащее с актом войны... то приказ французского правительства об оккупации Рура является таковым». Журнал «Либерел мэгезин»: «Перспектива новой войны через несколько лет становится все более очевидной и определенной». Ежегодник «Либерел ир бук»: «С каждым днем неизбежность европейской войны становится все более очевидной... психологическая рана, нанесенная немцам, возможно настолько глубока, что не затянется до того времени, когда Германия соберется с силами и станет способной к возмездии». (Фуллер Дж. Ф..., с. 17)

²⁰ 15 ноября 1923 г. Рейхсбанк выпустил денег на сумму 92,8 квинтильона марок. Фунт масла тогда стоил 6 триллионов

по обузданию инфляции, не поспевали за нею. Так, несмотря на то, что налог на заработную плату взимался за 2 недели, а налог на продажу ежемесячно, инфляция все равно их съедала. К ноябрю 1923 г., налоговые сборы покрывали только 1 % государственных расходов. Цены на государственные услуги, такие, как почта и железнодорожные перевозки, пересматривались с большим опозданием, что вело к дополнительному росту расходов госбюджета.

Курс бумажной марки по отношению к доллару^[116]

Гиперинфляция привела к резкому снижению заработной платы. Если до войны лучше германского рабочего оплачивался только американский, то в апреле 1922 г., как подсчитал английский статистик Дж. Гилтон: чтобы купить один и тот же набор продуктов американскому каменщику нужно было работать один час, английскому – три, французскому – пять, бельгийскому – шесть, а немецкому – семь часов с четвертью. По отношению к 1913 г. реальная заработная плата в апреле 1922 г. составляла – 72 %, в октябре – 55 %, в июне 1923 – 48 %^[117].

В 1923 г. одно яйцо стоило уже 8 миллионов марок. Галопирующая инфляция приводила к тому, что на заработок, который рабочие приносили домой вечером, их женам на утро уже нечего было купить. «Чтобы рабочие не сожгли заводы, – отмечал Ф. Тиссен, – промышленникам и муниципалитетам пришлось создать чрезвычайную валюту на фиктивном золотом базисе»^[118].

Немцев спасал только дешевый хлеб (который до 23.06.1923 г. добывался по разверстке) и высокая урожайность хорошо поставленного сельского хозяйства²¹. Но Германия все же голодала^[119]. «Этот безумный год, – пишет С. Хаффшер, – сегодня уже почти забыт, но это был самый тяжелый год из всех тяжелых лет, выпавших на долю Германии в первой половине столетия»^[120].

марок, одно яйцо – 80 млрд. марок.

²¹ Немецкий бауэр даже после изнурительной войны получал с гектара в полтора раза больше пшеницы, чем канадец, и в два с половиной раза больше, чем американский фермер.

В ходе гиперинфляции рейхсбанк потерял половину своего золотого запаса, а управляющий банком Хафенштейн в ноябре 1923 г. умер от сердечного приступа^[121].

По мнению британского посла в Берлине лорда д'Эбернона, в гиперинфляции был виноват именно управляющий рейхсбанком Хафенштейн, который «отличается невежеством и упрямством... и приводит в действие печатный станок, не сознавая катастрофические последствия таких действий»^[122]. Сам Хафенштейн утверждал, что «причина такого роста коренится, с одной стороны, в непомерном бремени репараций и в отсутствии достаточных источников дохода для формирования сбалансированного государственного бюджета – с другой...»^[123]. В итоге, по словам Г. Кларка, для «правительства Германии не осталось других путей к финансированию своих расходов, кроме печатания денег»^[124].

Французские экономисты утверждали, что гиперинфляция была намеренно вызвана германским правительством для уклонения от репарационных обязательств. Дж. М. Кейнс в ответ заявлял, что «легковерие, с которым относятся к басням о «германском заговоре», имеющем целью обесценивание марки, только свидетельствует о беспредельном невежестве публики...»^[125]. Кейнс утверждал, что уже в самом Версальском договоре было умышленно предусмотрено, что «Германия не сможет вынести... возложенное на нее бремя»^[126].

Репарации внутренние

*Первопричина краха и расплавления германской экономики заключалась в военном займе.
Г. Препарата^[127]*

Сущность военных займов, как механизма внутренних репараций пояснял Дж. М. Кейнс: «Только капиталисты, а не общество в целом, станут основными владельцами выросшего государственного долга – то есть, по сути, владельцами права тратить деньги по окончании войны...»^[128]. Другими словами военные займы являются механизмом перераспределения национального капитала в пользу капиталистов. Для предотвращения этого Кейнс предлагал, чтобы право на государственный долг было бы «равномерно распределено между всеми... за счет послевоенных сборов с капитала»^[129].

Что касается финансового состояния Германии на исходе Первой мировой войны, то его, в своей первой речи на заседании Национальной ассамблеи обрисовал, ставший в июне 1919 г. новым министром финансов, М. Эрцбергер. В своем выступлении Эрцбергер отметил, что военные расходы Германии за Первую мировую составили 160 млрд. марок²². Эти расходы были покрыты за счет: долгосрочного военного займа (die Kriegsanleihe) на сумму более 98 млрд. марок; краткосрочных государственных облигаций – на 47 млрд.; оставшееся за счет налогов^[130].

Более 90 % взносов по облигациям военного займа, на сумму около 23 млрд. марок, поступило от «маленьких людей»²³. На долю оставшихся 10 % приходились остальные 75 млрд. марок, не говоря о краткосрочных заимствованиях. 5 % подписчиков обеспечили поступление более половины всей суммы займа^[131]. Погашение госдолга означало ежегодную выплату госбюджетом частным кредиторам около 10 млрд. марок.

В период между первыми кварталами 1919–1920 гг. покрытие военного долга и процентов по нему осуществлялось за счет инфляционного финансирования. На выплаты шло до 30 % общих расходов рейха (или 60 % всех денег (наличными и в чеках), созданных в Гер-

²² Что почти в двое превосходило годовой доход страны к концу 1918 г. Или составляло половину достояния Германии в 1913 г., которое оценивалось в 300 млрд. марок. (Ludwig Holtfrerich, L'infazione tedesca 1914–1923 (Die deutsche Infation), Bari: Laterza, 1989 [1980], p. 132 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 193)).

²³ Общее число подписчиков военного займа составило 39 млн. человек.

мании за это время)^[132]. Марка по отношению к доллару за это время упала в цене почти в 20 раз. Продолжение подобной политики грозило похоронить германскую экономику²⁴. Американский экономист А. Веблен рекомендовал Германии безусловное списание государственного долга в целом, а вырученные деньги предлагал направить на восстановление экономики^[133].

Между тем М. Эрцбергер был сторонником жесткого выполнения репарационных и долговых обязательств. Он призвал затянуть пояса и «выполнить условия договора, какими бы ужасными они не были»^[134]. Он предложил радикально пересмотреть основы налоговой политики и обложить высокими налогами прибыль богатых собственников. Налоги Эрцбергера: двойной налог на военные прибыли (т. е. на собственность и доход); большой налог на наследство; налог на роскошь (на потребление); и главный сбор – *Reichsnotopfer* («пожертвования на экстренные нужды рейха»)²⁵. Новые директивы были подкреплены подзаконными актами, призванными блокировать бегство капиталов^[135].

Однако эти акты не смогли остановить капиталы, бегущие от «свирепых» налогов Эрцбергера^[136]. Уже «в конце 1919 г. газета «*Neue Zürcher Zeitung*» опубликовала сведения, что из страны «сбежало» 3,5 млрд... марок^[137]. С другой стороны удар наносил К. Гельфрейх, один из столпов консерватизма, бывший имперский вице-канцлер и министр финансов в годы войны, который обвинил Эрцбергера в коррупции, обмане и незаконном вмешательстве в политику и в дела частного бизнеса, оформив свои обвинения в виде брошюры «Долой Эрцбергера». Правые и нацистские газеты пылко поддерживали обвинения, левые молчали. Гугенберг назвал «социальные мероприятия» «предателя Эрцбергера», подписавшего Версальский договор, «экспроприацией среднего класса»^[138].

Эрцбергер выдвинул встречное обвинение в клевете. Судебный процесс начался в январе 1920 г. В это время на Эрцбергера было совершено первое покушение, однако на этот раз ему повезло и министр отделался легким ранением.

Суду не удалось найти никакого криминала в действиях Эрцбергера, Гельфрейх был найден «виновным в клевете и предъявлении фальшивых обвинений»; незначительность штрафа, который ему был назначен судьи объяснили тем, что «Гельфрейх сумел доказать истинность своих обвинений». Т. е. обвинения Гельфрейха были признаны не беспочвенными, но лишь чрезмерными. Эрцбергер, в свою очередь, был вынужден уйти в отставку^[139].

Суд вынес вердикт 12 марта 1920 г. на следующий день начался мятеж Каппа-Лютвица. К 1921 г. правые заблокировали в рейхстаге все законопроекты Эрцбергера^[140]. Сам Эрцбергер был убит в августе 1921 г.

За 1920–1922 г. богатые немцы обналичили свою половину сертификатов военного займа. Другая половина оставалась на руках мелких инвесторов, которые держались за них до конца^[141]. При этом уровень инфляции в Германии был близок к нулевому, несмотря на 15 % дефицит госбюджета.

Правительство покрывало большую часть дефицита за счет выпуска 5 %-ных долговых обязательств, которые считались «надежными» и активно приобретались иностранцами. Так, только в период между 1919 и 1921 гг. иностранцы приобрели более 40 % немецкой ликвидности (наличности и банковских чеков)^[142]. Всего до стабилизации валюты Германия смогла выручить 7,5 млрд. золотых марок от продажи бумажных марок^[143]. Эти долговые обязательства являлись не чем иным, как одним из вариантов отсроченной инфляции. Достаточно было малейшего толчка, чтобы плотина, сдерживавшая инфляцию, рухнула. Последней каплей стала выплата репараций и французское вторжение в Рур, когда началось массовое обналичивание ценных бумаг^[144]. Марка рухнула.

²⁴ Следует отметить, что с 1914 по 1918 г. вследствие инфляции марка уже потеряла примерно половину своей покупательной способности. (Erstein, Erzberger, pp. 342. (Препарата Г..., с. 154)).

²⁵ Налоговые выплаты могли покрываться векселями военного займа.

С началом гиперинфляции начался второй акт взыскания внутренних репараций. Его определение снова давал Дж. М. Кейнс: «При помощи продолжительной инфляции власти могут незаметным образом конфисковывать значительную часть богатств своих граждан. Таким образом, они проводят не просто конфискацию, но конфискацию как произвол, и в то время как одних этот процесс ведет к обнищанию, другие обогащаются... Нет более тонкого и более верного пути разрушения основ общества, чем обесценивание валюты. В этот процесс вовлекаются все скрытые разрушительные экономические силы, и его не распознает и один из миллиона»^[145]. Дж. Кейнс утверждал: рост цен «по сути, означает передачу заработка потребителей в руки класса капиталистов»^[146]. Кейнс, по сути, повторял Ж. Неккера, который за полтора века до Кейнса отмечал, что инфляция, ведет к перераспределению народного богатства в пользу наиболее состоятельных сословий и по сути является «налогом на бедных».

У. Ширер находил причины гиперинфляции в Германии 1922–1923 гг. именно в интересах крупного бизнеса: «Правительство, подстегиваемое крупными промышленниками и землевладельцами, которые лишь выигрывали от того, что народные массы терпели финансовый крах, умышленно шло на понижение марки»^[147]. Э. Генри приводил пример Г. Стиннеса, короля Рура, который больше всех заработал на войне и теперь сознательно провоцировал инфляцию. «Он тем самым секвестрировал в свою пользу большую часть национального дохода Германии в обмен на кучу бесполезных бумажек»^[148].

В чьих интересах происходило взыскание внутренних репараций, указывал и богатейший человек Германии В. Ратенау: германское общество управляется «тремястами людьми», которые хорошо знакомы друг с другом. Это гнусная, «надменная и чванливая в своем богатстве» олигархия, «оказывающая тайное и явное влияние», за которой послушно следует «разлагающийся средний класс... изо всех сил стремящийся не скатиться на уровень пролетариата», и далее «собственно пролетариат, молчаливо стоящий в самом низу: это и есть нация, темное, бездонное море»^[149]. В. Ратенау за свои выступления будет убит в июне 1922 г.

Один из способов взыскания внутренних репараций посредством инфляции открывал стальной магнат Ф. Тиссен: «Капитал, необходимый немецким промышленным предприятиям, можно было сколотить на кредитах Рейхсбанка. Действительно, немецкая промышленность работала бесперебойно, поскольку – из-за девальвации германской валюты – могла выбрасывать свою продукцию на мировой рынок по низким ценам. Эта процедура нашла поддержку у доктора Хавенштайна, президента немецкого Рейхсбанка. Он прекрасно сознавал, что таким образом ценность марки будет постоянно снижаться, но считал это наилучшим способом доказать миру неспособность Германии выплачивать военные репарации. Многие промышленники воспользовались этой возможностью, учитывая колоссальные переводные векселя в Рейхсбанке и выплачивая их все более и более девальвирующимися банкнотами»^[150].

Механизм в данном случае заключался в следующем: Рейхсбанк принимал векселя от частных предприятий с дисконтом 5 % годовых вплоть до середины 1922 г., когда инфляция достигла 100 % в месяц. Затем дисконт неоднократно поднимался, но все равно он был значительно ниже уровня инфляции. Так, к сентябрю 1923 г. дисконт составлял 90 % годовых, а инфляция была в 10 раз выше. Политика Рейхсбанка привела к тому, что банковский кредит для предприятий был практически бесплатным, а номинальная денежная масса раздувалась еще больше^[151].

Крупный немецкий бизнес неплохо зарабатывал на «инфляционной спекуляции» – коротких кредитах, которые он брал в центральном банке под расширение и модификацию производства, а затем возвращал его обесцененными деньгами. Этими же деньгами платили по своим закладным и крупные сельхозпроизводители. При этом отмечал председатель финансовой комиссии французского парламента Дариак в своем секретном докладе Пуанкаре: «Если бумажная марка обесценивается со дня на день, то средства производства, принадлежащие

Тиссену, Круппу и их соратникам, остаются и сохраняют свою золотую ценность. Это есть именно то, что имеет действительное значение»^[152].

Еще одним способом взыскания внутренних репараций стал перевод германского капитала за границу, который, по словам Г. Препарата, «был огромным»^[153]. «В 1923 г. газета «Нью-Йорк таймс» попыталась оценить размер германских вкладов в банках США и пришла к цифре приблизительно в 2 млрд. долларов^[154], что соответствует приблизительно четверти ВВП Германии в 1923 г.... Однако самым крупным реципиентом германских капиталов, – отмечает Г. Препарата, – все это время была Голландия...²⁶ Из Голландии восстановленные там корпорации путем слияния приобретали в Германии обанкротившиеся концерны, которые использовались для сокрытия доходных зарубежных предприятий...»^[155].

Бегство капиталов, по мнению Препарата, оказало «огромное давление на обменную стоимость марки», стимулируя рост гиперинфляции, поскольку теперь именно зарубежный курс марки стал определять цены в Германии. «Только после того, как марка теряла стоимость за границей, происходил рост цен в самой Германии, что и дало повод Хафенштейну обвинить репарационные платежи в таком обесценивании германской валюты... Однако, – полагает Г. Препарата, – внешнее обесценивание было в действительности обусловлено бегством капитала и только во вторую очередь – требованиями Версальского договора»^[156].

В 1941 г. Гитлер так подытожил оборотную сторону инфляционной динамики: «Инфляцию можно было преодолеть. Решающим здесь был вопрос о военном займе: другими словами, выплата ежегодно 10 млрд. по процентам при долге 166 млрд.... Я бы вынудил лиц, нажившихся на войне, заплатить звонкой государственной монетой за различные ценные бумаги, которые я бы заморозил на двадцать, тридцать или сорок лет...»^[157].

* * *

Исследователи разошлись во мнении, что же сыграло решающую роль в обрушении германской экономики – внутренние или внешние репарации. Дж. Кейнс считал, что ведущая роль принадлежала иррациональным требованиям победителей: «Спекуляция – это последствие, а не причина роста цен». Причину роста цен Кейнс находил в «безрассудных», «порочных» действиях победителей^[158].

Наиболее непримиримым критиком Дж. Кейнса выступил один из апостолов либерализма Л. Мизес: «Утверждение, что эти выплаты (внешние репарации) сделали Германию нищей и обрекли немцев на голод, было бы гротесковым искажением фактов», «инфляция... не являлась результатом Версальского договора»^[159]. Причины экономического краха Германии Мизес находил в особом менталитете немцев не готовых к демократии и свободе торговли, в стремлении немецких политических сил к национализму и диктатуре^[160]. Гиперинфляцию в Германии, по мнению Мизеса, «вызвала реализация на практике тех же этатистских идей, которые породили национализм»^[161].

Что в данном случае стояло за этатистскими идеями, разъяснял Г. Препарата: «Не (внешние) репарации обусловили германский финансовый крах, они лишь ускорили его наступление. За период с 1919-го по 1922 год Германия уплатила в качестве (внешних) репараций всего около 10 % своего дохода»^[162]. По мнению Г. Препарата, ведущую роль в обрушении германской экономики сыграли именно внутренние репарации.

Сейчас весьма сложно определить, в чьей версии больше правды, Кейнса или Препараты. Однако несомненно то, что внутренние и внешние репарации выступали совместно и являлись плодом действия одних и тех же радикальных либеральных сил. При этом стоит отметить, что внутренние репарации оказываются для страны гораздо опаснее, нежели внешние,

²⁶ А также банки Швейцарии, Норвегии, Швеции, Дании и Испании.

поскольку внешние население воспринимает как внешнюю угрозу, которая мобилизует общество и заставляет его бороться за выживание. Внутренние репарации разъедают, уничтожают страну изнутри, население практически бессильно себя защитить, оно даже не вполне понимает свою обреченность.

Последствия были поистине трагическими. Безработица утроилась, плохое питание в трущобах приводило к врожденным уродствам; согласно скрупулезной государственной статистике дети рабочего класса находились в жалком состоянии^[163]. Но настоящая катастрофа постигла средний класс с фиксированными доходами. Гиперинфляции разорила его, в результате, утверждал К. Квигли, «средние классы были в значительной степени уничтожены»^[164]. А один из богатейших людей мира Дж. П. Варбург позже признавал: «Крайне сомнительно, чтобы Гитлер когда-либо пришел к власти в Германии, если бы перед этим обесценивание немецких денег не уничтожило средний класс»^[165].

Обвальнйй экономический кризис, вызванный гиперинфляцией, привел к политическому хаосу в Германии. 8 ноября 1923 г. в Мюнхене произошел «пивной путч» – первое серьезное выступление национал-социалистов. Одновременно в Саксонии и Тюрингии произошли коммунистические восстания. В Гамбурге – уличные столкновения рабочих с войсками и полицией. Финансовая система страны была фактически уничтожена.

В сентябре 1923 г. в памфлете «Диктатура или парламент» будущий канцлер Ф. Папен утверждал, что Германия находится на грани полного крушения и что спасение не придет от механического применения парламентских методов или бесплодного столкновения застывших партийных доктрин^[166]. Папен призывал командующего сухопутными войсками ген. Секта «возглавить новое правительство в качестве единственного человека, способного исправить положение». Но Сект, после того, как Эберт вручил ему неограниченные административные полномочия, противился как установлению военной диктатуры, так и предложению стать канцлером^[167]. Ситуация явно выходила из под контроля...

Дж. Кейнс не видел для Германии выхода из сложившейся ситуации: «Во всяком случае, перспективы для Германии являются малоотрадными. Если теперешнее обесценивание марки окажется длительным явлением и уровень внутренних цен придет с ним в равновесие, то перераспределение богатств между различными классами общества может принять размеры социальной катастрофы. Но, с другой стороны, если курс марки улучшится, то исчезновение имеющегося сейчас искусственного стимула для промышленной жизни и прекращение подъема на бирже, связанного с обесцениванием марки, может привести к финансовой катастрофе»^[168].

План Дауэса

В роли спасителя в очередной раз выступили Соединенные Штаты. К этому времени инфляция уже «очистила» рейх от вериг военного займа. Военный долг Германии, составлявший треть всего богатства страны в ее лучшие имперские времена, в ноябре 1923 г. номинально стоил один доллар двадцать три цента^[169].

Теперь Германия была готова брать новые кредиты, однако для начала необходимо было стабилизировать марку. Этим занялся появившийся 13 ноября 1923 г. в роли уполномоченного по национальной валюте Я. Шахт. Зафиксировав покупную цену на уровне 4,2 триллиона марок за один доллар, он стер оставшиеся двенадцать нулей. Один доллар стал равен 4,2 золотой марки. «20 ноября, – говорил Шахт, – можно считать вехой в истории стабилизации марки...»^[170]. 22 декабря Я. Шахт был избран управляющим Центральным банком Германии.

Фантастическая операция по стабилизации марки была осуществлена за счет англо-американских кредитов, которые Германия получила в ноябре 1923 г., а в декабре был подписан американо-германский торговый договор. В. Вильсон обосновывал этот шаг тем, что «если не будет восстановлена германская промышленность, Германия, совершенно ясно не сможет

платить». В качестве обеспечения кредитов, все железные дороги Германии были объединены в единую компанию под руководством американского управляющего. Вся прибыль от эксплуатации железных дорог шла на покрытие американских кредитов.

Я. Шахт совершил, то, что чего не смог добиться даже ценой своей жизни его предшественник на посту управляющего центральным банком Германии Хафенштейн – Шахт получил иностранные кредиты. Современники относили эти достижения к личным особенностям Шахта – «восходящей звезде германского финансового мира, человеку с парадоксальным умом и незаурядной самостоятельной волей»^[171]. В чем же крылся секрет гения Шахта?

По мнению Г. Препарата, ответ заключался в представленном Шахтом, по предложению Даллеса, «решении проблемы репараций», согласно которому союзники, вместо того чтобы одалживать деньги веймарскому правительству, будут кредитовать напрямую несколько огромных конгломератов (картелей), специально созданных для этой цели. Картели наделялись эксклюзивными экспортными лицензиями, чтобы иметь возможность генерировать валюту, для покрытия кредитов^[172].

Даллеса предложение Шахта привело в полный восторг. В записке Т. Лэймонту, главному доверенному лицу «Дж. Д. Морган и К°» Даллес писал: «Доктор Шахт является одним из самых способных и наиболее прогрессивных молодых немецких банкиров...». Две недели спустя Даллес с большим энтузиазмом ответит на предложения Шахта: «Если окажется возможным поддержать политическую стабильность, то я не сомневаюсь, что облигации и ценные бумаги, выпущенные теми монопольными корпорациями, о которых вы упоминаете, смогут заслужить доверие инвесторов»^[173].

Шахт произвел впечатление и на управляющего английским банком М. Нормана. Последний даже заявил своим сотрудникам: «Я хочу с ним подружиться»^[174]. В канун нового, 1924 г. Норман приглашая, Шахта к себе, сказал: «Надеюсь, мы станем друзьями»^[175].

Однако сама по себе стабилизация марки не могла обеспечить восстановления платежеспособности Германии. Для этого необходимо было сделать следующий шаг. Им стал – «план Дауэса».

В основе «плана Дауэса» лежало предоставление Соединенными Штатами кредитов Германии для восстановления промышленности, доходы от которой должны были пойти на уплату репараций Англии и Франции. Получив их, Лондон и Париж, в свою очередь, должны были покрыть свои долговые обязательства перед Вашингтоном. План Дауэса был принят рейхстагом 16 апреля 1924 г. Согласно плану Германии был открыт иностранный золотой кредит в 800 млн. марок²⁷. Кредит предназначался для «покрытия» эмиссии новой марки, золотое обеспечение которой должно было составить 40 %²⁸. В августе 1924 г. старая марка была заменена новой рейхсмаркой, а контроль над капиталами был отменен^[176].

Иностранный заем обеспечивался залогом немецких железных дорог и ценных бумаг некоторых немецких предприятий, а также транспортными и другими налогами. Постоянная иностранная контрольная комиссия, разместившаяся в Берлине, должна была следить за

---

²⁷ Или 190 млн. долларов, под 7,75 % годовых, на два пункта больше общепринятого. Для сравнения в 1913 г. золотой запас рейхсбанка оценивался в 280 млн. долларов. (Geminello Alvi, DeU'restremo occidentale. Il secolo americano in Eumpa. Storie economiche, Firenze: Marco Nardi Editore, 1993, p. 208 (Препарата Г..., с. 247, 249)).

²⁸ Таким образом, восстанавливался старый паритет – за 2970 новых марок можно было купить один килограмм чистого золота.

немецким бюджетом и функционированием заложенных предприятий. Для оценки германской собственности, ставшей косвенной гарантией займа, была послана целая команда специалистов из США^[177].

План Дауэса не фиксировал общую сумму германских репараций, а только определил способ выплат: до 1929 г. Германия должна вносить ежегодные платежи, начав с 1 млрд. золотых марок и постепенно, к пятому году, увеличить их до 2,5 млрд. с 1930 г. При этом должен был применяться «индекс уровня экономики», в случае его увеличения репарации увеличивались, в случае снижения оставались на прежнем уровне. Указанные платежи составляли 3–4 % национального дохода.

«Каждый год обязательства Германии считались бы выполненными, если бы ежегодные платежи вручались главному представителю Комиссии по репарациям в Берлине. Затем он должен был конвертировать полученную от Германии сумму в иностранную валюту и распределять ее между союзными державами»^[178]. Главный представитель в любой момент мог отменить действие статьи о трансферте, то есть ежегодный репарационный взнос Берлина мог быть приостановлен, если марка начинала испытывать чрезмерное затруднение^[179].

Францию, до этого главного сборщика репараций, по мнению Дж. Алви, изящно вывели из игры спекулятивной атакой против франка, проведенной «Морган и К°», приведшей к обвалу французской валюты^[180]. На выручку Франции пришел все тот же «Морган и К°», предложивший ей кредит в 100 млн. долларов на шесть месяцев под залог французского золота^[181]. Итог сделки в конце апреля подвел в своем дневнике посол США в Берлине А. Хьютон: «Англия и Америка взяли франк под контроль и, видимо, могут теперь делать с ним все, что захотят»^[182]. По мнению К. Квигли главную скрипку в данной партии играл управляющий английским банком М. Норман^[183].

«Морган и К°» поставил условием возобновления своего 100-млн. займа проведение Францией «миролюбивой внешней политики». По мнению Г. Препарата «это означало, что Франции придется согласиться на: 1) отказ от полноценного участия в работе Комиссии по репарациям; 2) передачу всех своих полномочий генеральному Агенту (главному представителю) по репарациям, которым вскоре стал С. Гилберт, старый бюрократ из американского казначейства, нашедший впоследствии свою лучшую долю под крылышком «Морган и К°»; и 3) немедленный вывод войск из Рура»^[184].

Ввод французских войск в Рур, закончившийся в итоге доминированием американского капитала в Европе, некоторые исследователи расценивали, как следствие целенаправленной политики США совершенно сознательно подталкивавших Германию и Францию к взаимному конфликту, чтобы убрать с дороги последнюю. Об этом, в частности, писал Дж. Кейнс^[185]. Аналогичное мнение высказывал один британский журналист, имея в виду некоторых конгрессменов со Среднего Запада: «Разгадку тайны Рура следует искать в долине Миссисипи»^[186].

За свой план Дауэс стал вице-президентом США и получил Нобелевскую премию мира. Реальные создатели «плана», выделившие Германии золотой кредит, в лице управляющего банком Англии М. Нормана и синдикатов Уолл-стрита во главе с «Морган и К°», остались в тени^[187]. Лишь распределение германского займа, половина которого должна была быть размещена в Нью-Йорке, а остальное – по большей части в Лондоне, указывало на истинных творцов немецкого «синтетического чуда». Четверть добытых таким образом денег была превращена

в фунты стерлингов, а остальные три четверти в золото, то есть в доллары, что, по словам Г. Препарата, отражало соотношение сил двух держав^[188].

В переходный период от стабилизации марки в апреле до введения новой рейхсмарки в августе 1924 г. германский кредит встал. Шахт распределял банкноты только благополучным концернам, предоставив неблагополучным обанкротиться: весной 1924 г. число банкротств возросло на 450 %^[189]. Прекращение кредита, Kreditstopp, – по мнению Т. Балдерстона, стало решающим фактором, открывшим «дверь интернационализации немецкой денежной системы», недостаток капитала должны были покрыть иностранные займы^[190]. Именно с лета 1924-го началась, по словам Г. Препарата, пятилетка «синтетического процветания» Германии^[191].

В Германии начали одалживать все и все: рейх, банки, муниципалитеты, земли, предприятия и частные домашние хозяйства. Деньги тратили на строительство домов, оборудование и организацию общественных работ. Веймарская республика воздвигала храмы из стекла и стали, планетарии, стадионы, велотреки, фешенебельные аэродромы, развлекательные парки, современнейшие морги, небоскребы, титанические плавательные бассейны и подвесные мосты^[192].

«Однако мир и даже американские кредиторы все чаще спрашивали своих политиков: «Во имя чего мы так рьяно помогаем Германии?» «Она наш союзник в борьбе с коммунизмом», – отвечали политики»^[193]. По мнению же конгрессмена Л. МакФеддена, пропагандистскую кампанию помощи Германии двигали частные интересы американских банков кредиторов, поскольку, «именно американской публике следовало продать основную часть германских репараций; и чтобы достичь этой цели, понадобилась систематическая фальсификация исторических, финансовых и экономических фактов. Это было необходимо, чтобы создать в Америке такое настроение, которое сделало бы успешным продажу немецких облигаций»^[194].

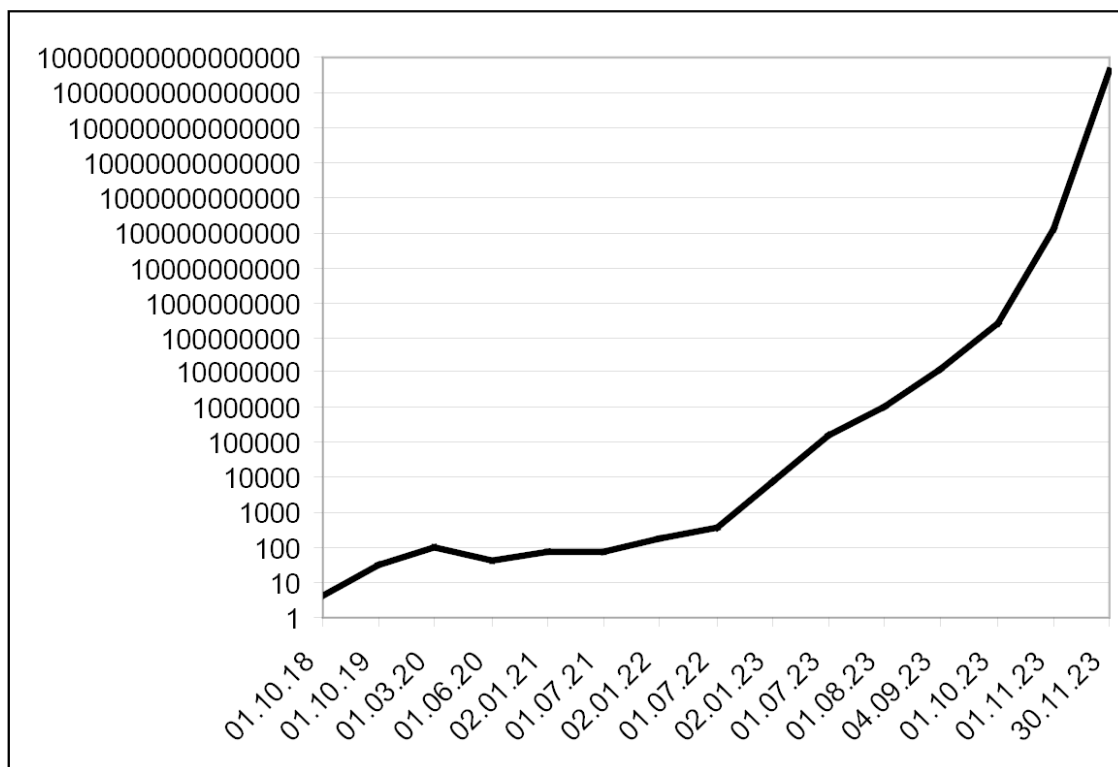
С другой стороны, если бы «деньги продолжали литься рекой, – замечает Г. Препарата, – то Германия в скором времени превратилась бы в настоящую колонию Уолл-стрит»^[195]. Не случайно К. Гельферих в последний год жизни (1924 г.) оценил план Дауэса как шаг на пути «вечного порабощения» Германии. С началом реализации плана Дауэса американские фирмы действительно стали владельцами и совладельцами многих немецких компаний: «Опель», электро- и радиоприборов «Лоренц», «Микст-Генест», угольного концерна «Стинненс», нефтяных и химических концернов «Дойче-американише петролеум» и «ИГ Фарбениндустри», объединенного «Стального треста» и т. д.^[196]

«Вся страна политически и экономически все больше и больше попадает в руки иностранцев... – подтверждал Е. Кастнер, однако предупреждал: – Один булавочный укол – и весь этот мыльный пузырь немедленно лопнет. Если одолженные деньги будут истребованы назад в большом количестве, то мы разоримся – все мы – банки, муниципалитеты, совместные компании, а с ними и весь рейх»^[197].

Проблема заключалась в том, отмечает Г. Препарата, что в результате американской помощи «в системе денежного обращения Германии не оказалось ни единой капли ее собственных денег, в течение всего срока «золотой помощи» она дышала на одолженной крови. Теперь, когда мельница была запущена, Германии предстояло жить за счет «потока», как образно выразился Дауэс в своей парижской речи»^[198]. Суть плана Дауэса была отчетливо понятна и самим американским кредиторам. Еще в мае 1919 г. В. Вильсон заявлял: «Наши экономические специалисты и финансовые эксперты... убеждены, что представленный план снабжения Германии работающим капиталом лишен здоровой основы. Как можно снабжать Германию капиталом, лишая ее собственного капитала полностью?»^[199]

Германия полностью зависела от непрерывности притока иностранного капитала – это была самая настоящая кредитная пирамида. Технически, приток капиталов в Германию обес-

печивала значительная разница в процентных ставках между ней и кредиторами, достигавшая порой двукратной величины.

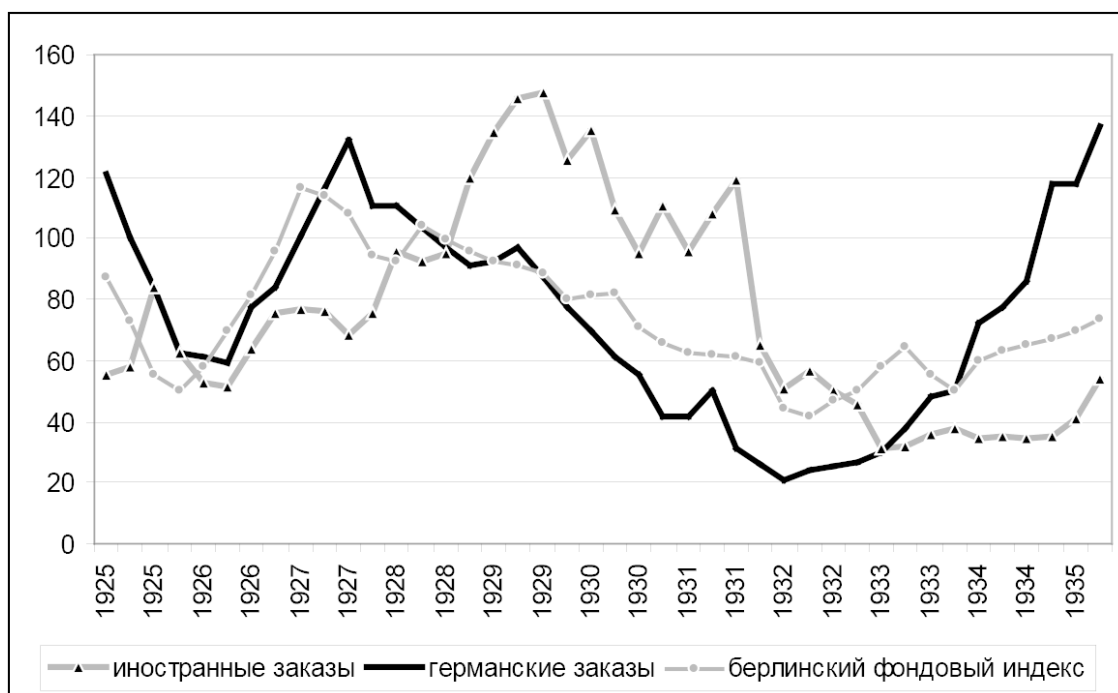

Разница в процентных ставках по отношению к США, %^[200]

В германской же экономике внешне пока все выглядело довольно благополучно. Предусмотренные планом Дауэса вливания, достигшие пика в 1927 г., привели к быстрому росту заказов в машиностроении, выпуску промышленной продукции и соответственно фондового индекса.

Но в том же году германский рынок оказался перенасыщен с одной стороны деньгами, с другой промышленной продукцией. Внутренний рынок просто не успевал их переваривать. Союзники были вынуждены приоткрыть для Германии экспортные каналы сбыта, что привело к стремительному росту иностранных заказов. Но было уже слишком поздно.

Перспективы неизбежного краха «кредитной пирамиды» беспокоили президента Рейхсбанка Шахта уже с начала 1926 г. Тогда Шахт попытался установить контроль над частными заимствованиями за рубежом, но безуспешно. Когда он пытался наладить финансовую дисциплину, правительство наоборот вводило налоговые привилегии для иностранных кредитов. Огромная долговая нагрузка привела к тому, что доля накоплений в Германии была ничтожна, а финансовые резервы практически отсутствовали. Платить было нечем.

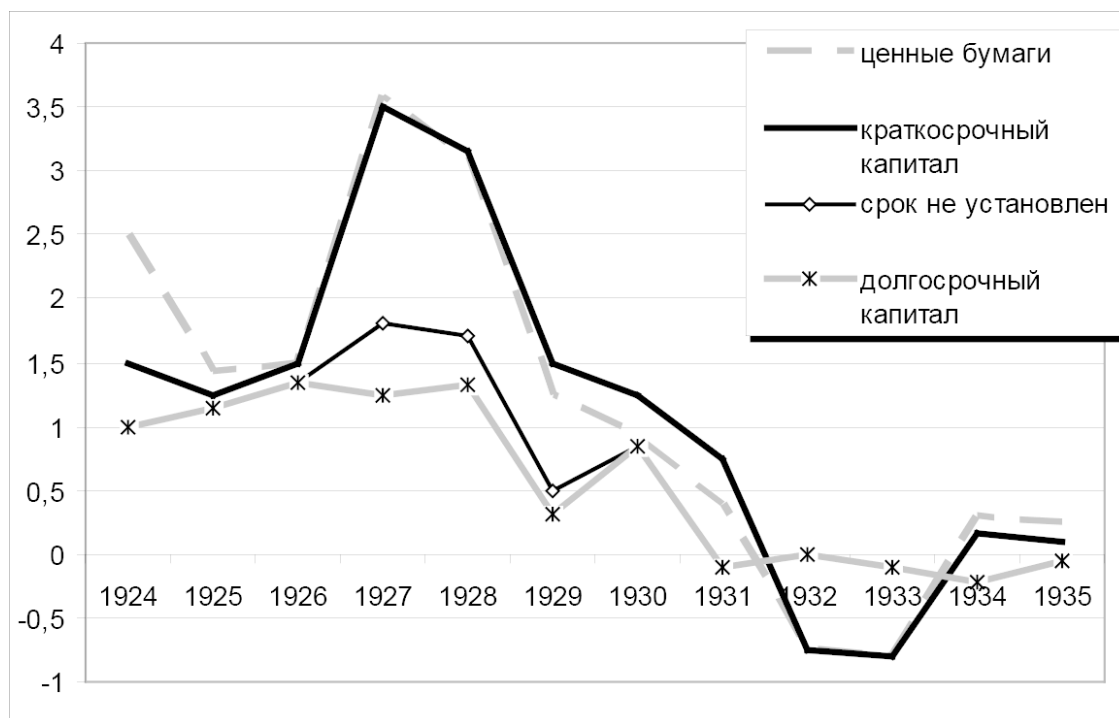
Заказы германской машиностроительной промышленности и индекс Берлинского фондового рынка, по кварталам, 1928 г. – 100 %^[201]

Почувствовав угрозу J.P. Morgan, а за ним в конце 1927 г. и другие американские банки снизили кредитный рейтинг Германии. Америка в то время строила свою пирамиду. Обеспокоенный глава Федеральной Резервной системы США Б. Стронг на международной встрече представителей центральных банков на Лонг-Айленде в 1927 г. уже предсказывал, что в течение двух лет произойдет наихудшая депрессия в истории. Вопросом, по его мнению, являлось только – где это случится, в Германии или США^[202]. Очередное бегство капиталов из Германии началось в 1928 г., а в 1929 г. оно приняло обвальный характер.

О приближающемся крахе «кредитной пирамиды» свидетельствовал баланс обязательств и платежных возможностей Германии. По плану Дауэса Германия должна была получить 30 млрд. золотых марок (им дали даже собственное название «Американские репарации Германии»), получила она с 1924 по 1929 г. 13,7 млрд. рейхсмарок (RM)²⁹, проценты по ним выросли за указанный период с 225 до 1055 млн. RM.

Выплаты репараций с 1924 по 1929 г. составили – 7,9 млрд. марок (с процентами 9,56 млрд. марок). Примерно 40–45 % этой суммы было уплачено в виде материальных поставок, остальное – за счет иностранных кредитов^[204]. В итоге к 1929 г. Германия должна была ежегодно выплачивать 2,5 млрд. RM в счет репараций и 1 млрд. RM по кредитным долгам. Могла же она закрыть только 1,4 млрд. RM^[205].

²⁹ С 1923 по 1929 г. Германия получила 4 млрд. долларов внешних займов, из которых 2,5 млрд. были американскими.

Импорт капитала в Германию, 1924–1935 гг., млрд. рейхсмарок^[203]

План Юнга

На «помощь» Германии, пришел очередной американский банкир О. Юнг³⁰. «План Юнга», принятый летом 1929 г., устанавливал репарационные платежи в размере до 2 млрд. RM для первых 37 лет и 1607–1711 млн. RM для последующих 22 лет. (т. е. Германия должна была платить репарации почти 60 лет, до 1988 г.). Таким образом, в отличие от плана Дауэса ежегодные платежи Германии были несколько снижены, и одновременно определены общая сумма и сроки выплат долга. Отменялся международный контроль над бюджетом Германии и данными Германией обязательствами. Германия снова становилась хозяйкой собственных железных дорог. Заложенные предприятия освобождались от залога, а генерального агента Комиссии по репарациям сменял Банк международных расчетов в Базеле^[206].

Но главным в этом плане было значительно ужесточение взимание платежей. Ежегодные платежи требовалось выплачивать только валютой. Кроме этого, в отличие от плана Дауэса, где Закон о защите трансфертов устанавливал платежи таким образом, чтобы немецкая валюта не подвергалась угрозе, план Юнга ставил часть годовых платежей (612 млн. плюс проценты по плану Дауэса) вне законов о защите трансфертов. Часть долга могла быть возмещена в ценных бумагах и продана частным инвесторам, чтобы выручить наличность для выплат Франции, которая взамен обязывалась к 1930 г. вывести войска из Рейнской области.

По мнению стального магната Ф. Тиссена, «любой здравомыслящий человек понимал, что по плану Юнга залогом выполнения обязательств Германии становилось все ее национальное богатство... (что) означало начало финансовой ликвидации Германии... План Юнга был одной из главных причин подъема национал-социализма в Германии»^[207]. По оценке историка И. Феста: «Спустя 11 лет после окончания войны этот план, казалось, издевался над идеей «семьи наций»»^[208].

³⁰ Оуэн Юнг – глава «Дженерал электрик», не считая постов в Федеральном резервном банке и в «Дженерал моторс» Моргана.

Испанский исследователь А. Ритчл утверждал, что именно план Юнга обрушил германскую экономику в Великую депрессию, даже раньше, чем она приобрела мировое значение. Этот план подрывал те слабые перспективы на оздоровление экономики, которые еще оставались в Германии^[209]. Немедленным следствием только объявления плана Юнга в марте 1929 г., еще до его ратификации, стал отказ внутренних и внешних кредиторов Рейхсбанку в новых кредитах, что сразу же повлекло за собой финансовый кризис³¹.

Даже склонный к одиозности А. Буллок вынужден признать, что: «Разносторонние усилия Гитлера и нацистов заполучить поддержку, предпринятые ими между 1924 и 1928 гг., являют собой неприглядную и бессмысленную картину. Совершенно очевидно, что до тех пор, пока обстоятельства не переменялись в пользу нацистов и большие массы людей не прониклись их идеями, даже такие талантливые пропагандисты, как Гитлер и Геббельс, не могли ничего поделать и заставить к себе прислушаться»^[210]. «Обстоятельства», по мнению А. Ритчла, переменял «План Юнга», который «привел к экономическому кризису... и что более важно, придал силу немецкому фашизму»^[211].

Спустя пять месяцев после подписания Шахтом плана Юнга мир рухнул в пропасть Великой депрессии. После «черной пятницы» 1929 г. (краха на Нью-Йоркской фондовой бирже) Рейхсбанк был вынужден возвратить часть своего золотого резерва, взятого в кредит в США в 1924 г.^[212].

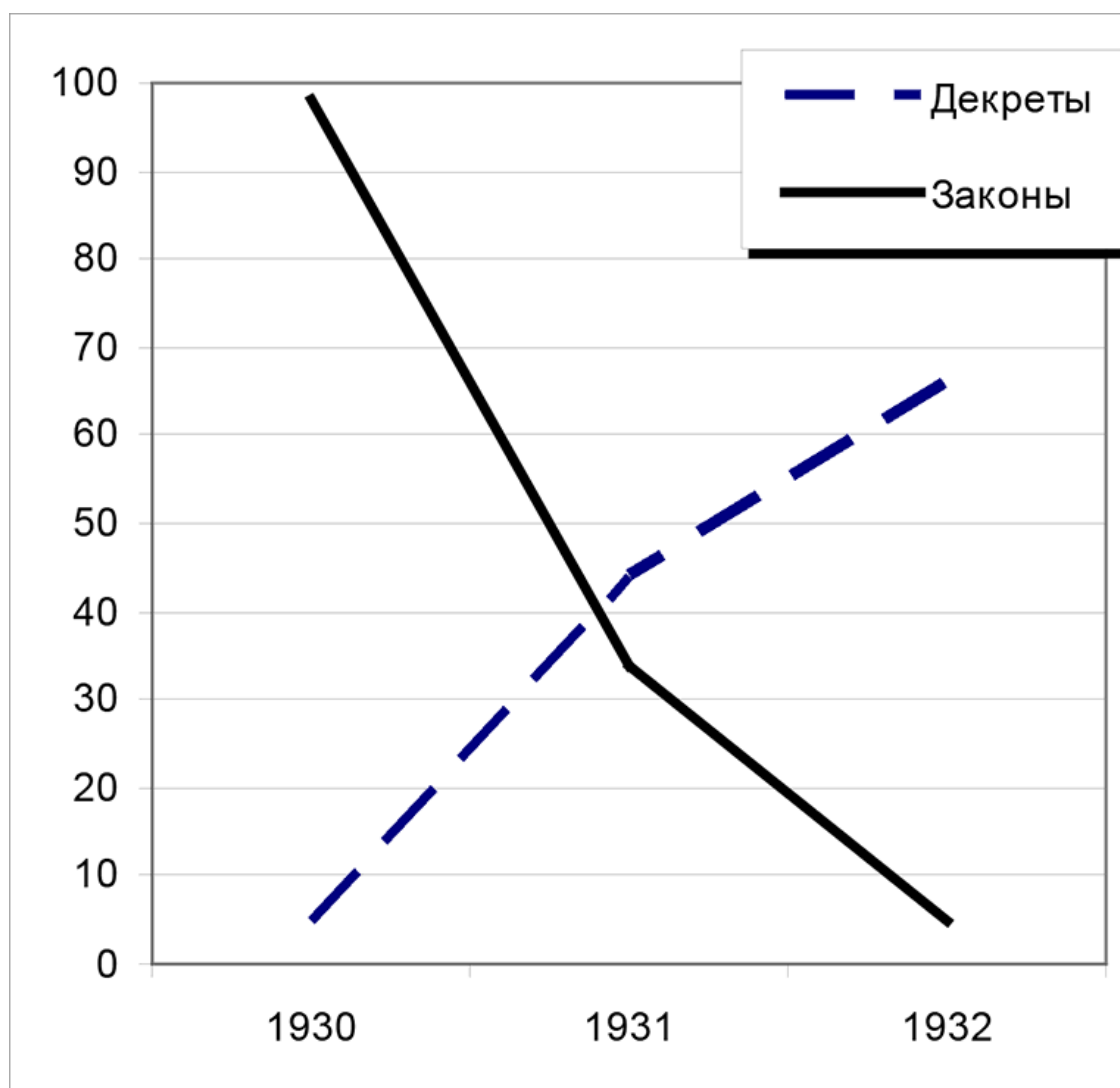
Поскольку после этого находившаяся в обороте денежная масса не могла более обеспечиваться золотом в необходимом размере, президент Рейхсбанка Шахт начал постепенно сокращать объем находящихся в обороте денег. Последовавший их дефицит привел к повышению процентных ставок, затем последовало уменьшение капиталовложений, банкротство фирм, рост безработицы. Немцы отчаянно искали деньги в Лондоне, Париже, Базеле, Нью-Йорке. Как замечает Х. Джеймс, автор труда о германском кризисе, «единственный выдвигаемый (немцами) аргумент был политическим и к тому времени уже довольно избитым: без американской помощи правительство Брюнинга падет и тогда на Германию опустится либо большевистский, либо нацистский террор»^[213].

По словам Х. Джеймса, «Банковская катастрофа привела к тому, что экономический кризис стал казаться всеобщим кризисом системы капитализма. Уже горевшее пламя народного антикапитализма превратилось в мощный адский пожар»^[214]. К этому времени глава Рейхсбанка Шахт, обвинив правительство в нарушении условий договора, с подачи министерства финансов, подал в отставку^[215]. В отставку ушел и министр финансов.

Экономический кризис привел к политическому, и начиная с 1930 г. Германия, на основании ст. 48 Веймарской конституции, почти все время управлялась посредством президентских декретов. Число декретов по мере обострения кризиса увеличивалось, а число принятых рейхстагом законов уменьшалась. Неизбежным результатом таких методов управления стало все большее ограничение и выхолащивание парламентского режима.

---

³¹ Ф. Тиссен, вспоминая то время, писал: «Когда начал проводиться в жизнь план Юнга, ряду немецких частных банков пришлось приостановить платежи, так как они были не в состоянии выполнять требования американских банков по возвращению предоставленных им кредитов». (Тиссен Ф..., с. 101–102.)

Чрезвычайные декреты и принятые законы^[216]

В 1930 г. более 50 % всех депозитов германских банков принадлежало иностранцам^[217]. Общая задолженность Германии в 1931 г. другим странам достигла 23 млрд. марок, из них 12 млрд. относилось к краткосрочным обязательствам. С 1930 г. в ходе развивающегося кризиса, кредиторы начали требовать погашения этих краткосрочных займов^[218]. В условиях мирового экономического кризиса массовое изъятие спекулятивных капиталов буквально уничтожило немецкую промышленность.

Взять с Германии уже было нечего, и в середине 1931 г. Гувер провозгласил мораторий на выплату репараций, не касающихся кредитных долгов. Тем более что американские банки уже получили свою прибыль. Облигации, выпущенные американскими банками, предоставившими Германии займы, были раскуплены рядовыми американцами, которые и потеряли эти миллиарды марок. Ф. Рузвельт позже говорил: «Я знаю, конечно, что наши банкиры получили непомерные прибыли, когда в 1926 году ссудили огромные суммы германским компаниям и муниципалитетам. Им удалось перепродать облигации германского займа тысячам американцев...»^[219].

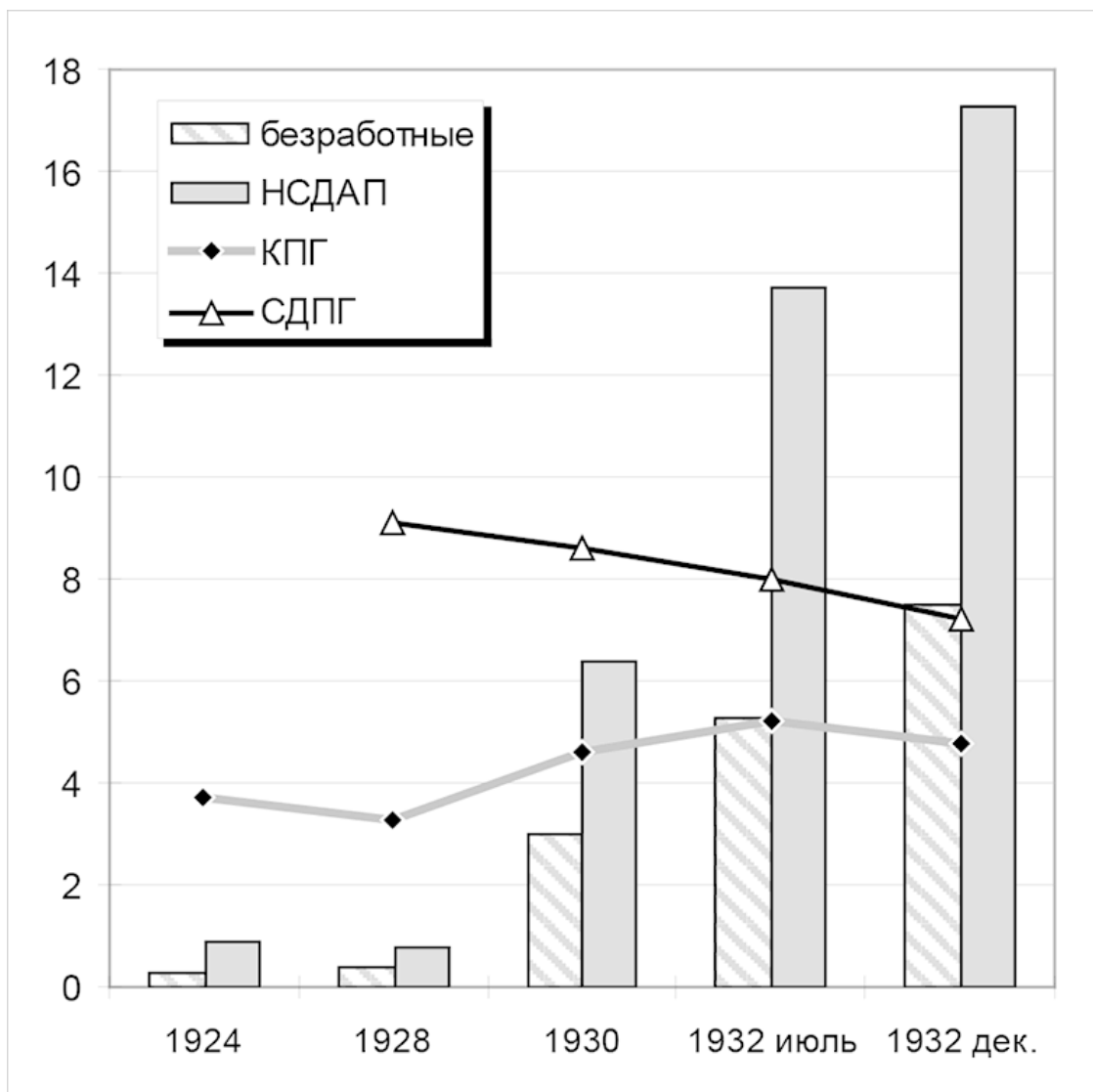
Летом 1932 г., когда экономический кризис достиг наивысшей точки, общий объем промышленной продукции Германии составил всего 59 % от уровня докризисного 1929 г. В наиболее монополизированных отраслях тяжелой промышленности сокращение производства было гораздо более сильным. Так, выплавка чугуна и стали сократилась за эти три года втрое, а про-

дукция судостроения – вчетверо. Безработица выросла в несколько раз. Участвовавшие крахи банков и акционерных компаний вели к разорению сотен тысяч крестьян, мелких торговцев и ремесленников, распродаже их собственности за неуплату долгов, превращению их в нищих. Люмпенизация широких масс населения приобрела в условиях кризиса невиданные размеры. Понимание беспросветности и бесперспективности жизни, царивших в среде нового поколения немцев, после Первой мировой войны ожно получить из романа Э. Ремарка «Черный обелиск».

Немецкое правительство не могло справиться с хаосом, вызванным экономическим и политическим кризисом, что неизбежно отдавало голоса избирателям радикальным партиям, обещавшим стабильность и решение ключевых экономических проблем.

Созванная по предложению Англии конференция союзников в Лозанне 16 июня 1932 г. была последней из полусотни по германским репарационным платежам. На этой конференции 9 июля было принято решение прекратить как получение репараций с Германии, так и уплату долгов союзников Соединенным Штатам. Конференция разрешила Германии выкупить ее репарационные обязательства на 3 млрд. золотых марок в течение 15 лет и отменила все предыдущие обязательства по плану Юнга. Последние обязательства Германии по репарациям не были выполнены – в январе 1933 г. к власти пришел Гитлер^[220].

Статистика безработицы и голосов, отданных политическим партиям в Веймарской республике, млн.³²

---

³² Доля проголосовавших за оставшиеся четыре партии, относящиеся к правому спектру, составляла около 20 %. В том числе партия Центра – 4,6 млн. чел.

Свобода торговли

Третий пункт вильсоновской программы провозглашал «Устранение, по мере возможности, всех экономических барьеров и установление равенства условий для торговли между всеми государствами... членам(и) Лиги Наций. Оно означает уничтожение всех особых торговых договоров, причем каждое государство должно относиться к торговле всякого другого государства, входящего в Лигу, на одинаковых основаниях, а статья о наибольшем благоприятствовании автоматически применяется ко всем членам Лиги Наций. Таким образом, государство сможет на законном основании... сохранить любые ограничения, которые оно пожелает, по отношению к государству, не входящему в Лигу. Но оно не сможет создавать разные условия для своих партнеров по Лиге. Эта статья, естественно, предполагает честную и добросовестную договоренность по вопросу о распределении сырья»^[221].

Доля США в мировом промышленном производстве в то время более чем в два раза превышала долю всех остальных участников Лиги, вместе взятых. Принцип «свободы торговли», при подавляющем экономическом и промышленном превосходстве США, открывал рынки стран – членов Лиги для сбыта американской продукции. Англия и Франция более, чем отчетливо понимали это. По словам главы американского совета по мореплаванию Э. Херли, европейцы «боятся не Лиги Наций..., не свободы морей, а нашей морской мощи, нашей торговой и финансовой мощи»^[222].

Страх европейцев выразился, например, в их реакции на требование президента Вильсона назначить Гувера главой союзной комиссии по гуманитарной помощи. Против выступил Ллойд Джордж, заявивший, что в этом случае Гувер станет «продовольственным царем» Европы, а американские бизнесмены получают невиданные возможности вторжения в Европу^[223]. Но американцы настаивали. О причинах говорил Хауз в своем письме президенту: «Я уверен, что вы согласитесь с необходимостью американского руководства (комиссией по гуманитарной помощи), принимая во внимание тот факт, что мы являемся наименее заинтересованной нацией, между тем как прочие союзные державы подвержены местным политическим интересам. Кроме того, используемые для этой цели товарные запасы в основном должны идти из Соединенных Штатов, и они окажут большое влияние на американские рынки»^[224]. На эти цели Гувер получил 100 млн. долл. от правительства Соединенных Штатов и открыл офисы в 32 странах^[225].

Но с другой стороны у европейцев был еще более близкий и грозный соперник – Германия. Во Франции экономическая мощь даже поверженной Германии вызывала суеверный ужас. По мнению Клемансо, «источники германской мощи остались в основе своей нетронутыми»^[226], в то время, как наиболее промышленно развитые районы Франции, побывавшие под многолетней немецкой оккупацией, были разрушены. Газета «Тан» писала «Мы должны быть готовы к тому, что так или иначе нам придется встретиться с неведомой Германией. Возможно, Германия потеряла свою армию, но она сохранила свою мощь»^[227]. Французы требовали введения ограничений на работу германской промышленности и запрета выпуска главных видов продукции.

Ллойд Джордж, в свою очередь, уже включил в свою предвыборную программу пункт о необходимости «имперских преференций» для «защиты ключевых отраслей национальной промышленности». Австралийский премьер У. Хьюз требовал: «обрубить щупальца германскому торговому осьминогу»^[228]. Гиманс, представитель Бельгии заявлял: «Нам нужен

будет барьер, чтобы не допускать германские товары. Германия легко может наводнить наши рынки»^[229].

Американский принцип «свободы торговли», в данном случае, как раз и выполнял функцию барьера. Он закрывал для Германии, не допущенной в Лигу, рынки сбыта стран основных конкурентов. Мало того, Версальский договор предусматривал, что «в отношении импортных и экспортных тарифов, регулирования и запретов, Германия должна на пять лет предоставить наиболее благоприятные условия для союзников и ассоциированных членов»^[230].

Но и это было только началом. По условиям Версальского договора германский торговый флот, репатриированный и ограниченный союзниками, не мог быть восстановлен в течение многих лет, как следствие Германия могла осуществлять свою морскую торговлю только посредством торговых судов союзников, т. е. с их согласия и на их условиях^[231]. Другой пункт договора требовал, что бы германская нация предоставила все свои права и интересы в России, Китае, Турции, Австрии, Венгрии и Болгарии в распоряжение победителей. Влияние Германии в этих странах уничтожалось, а капитал конфисковывался. Следующий пункт требовал от Германии отказа от всех прав и привилегий, которые она могла приобрести в Китае, Сиаме, Либерии, Марокко, Египте. Другой пункт провозглашал, отказ Германии от участия в любых финансовых и экономических организациях международного характера^[232].

Но даже эти требования были сравнительно ничтожны, поскольку истинная сила Германии крылась в другом. На ее источник указывал Дж. Кейнс: «Германская империя была в большей степени построена углем и железом, чем «железом и кровью»»^[233]. Именно на металлургической промышленности строилась вся база германской химической, стальной, электротехнической индустрии. По Версальскому договору Германия теряла Рур, Саар, Верхнюю Силезию, обеспечивавших треть всего довоенного германского производства угля. Кроме этого в течение 3–5 лет после заключения договора Германия должна была поставлять еще почти 25 % довоенной добычи угля в виде репараций и компенсаций Франции, Италии, Бельгии и Люксембургу. В результате германская промышленность оказалась фактически обескровлена^[234].

С разгромом германской промышленности «щупальца германского торгового осьминога» были «обрублены» и согласование пункта о «свободе торговли» вильсоновской программы с европейцами не встретило особых затруднений.

Оставалось решить, откуда же в таком случае Германия возьмет валютные активы для выплаты репараций и собственного выживания? «Комитет по экономическому восстановлению», созданный в марте 1923 г., под председательством американского банкира Ф. Дж. Кента, в лице своего сотрудника Д. Штампа по этому поводу замечал: «Если поток товаров из Германии пойдет по старым каналам, предназначенным для совершенно других отношений, он переполнит и разрушит их. Поэтому для отвода немецких товаров должны быть созданы новые каналы»^[235].

Не случайно Дж. Кейнс в последнем пункте своей книги заявлял: «Русский вопрос жизненно важен»^[236]. Именно Россия должна была стать тем «новым каналом» для отвода немецких товаров. Этого, по мнению Кейнса, требовала и объективная необходимость: только германская промышленность, организаторский и деловой талант могут поднять экономику России из руин и в итоге обеспечить Европу зерном и сырьем, «в наших интересах ускорить день, когда германские агенты и организаторы... придут в Россию движимые только экономическими мотивами»^[237].

Но главное, указывал Кейнс, заключалось в том, что «мировой рынок един. Если мы не позволим Германии обмениваться продуктами с Россией и кормить себя она неизбежно будет конкурировать с нами... чем более успешно мы будем препятствовать экономическим отношениям между Россией и Германией, тем большим будет уровень депрессии нашего собственного экономического стандарта и роста серьезности наших собственных внутренних проблем»^[238].

Однако заключение между изгоями мирового сообщества Россией и Германией три года спустя договора о сотрудничестве, по словам С. Хаффнера, «потрясло... Европу, словно удар молнии». В Лондоне и Париже царил не страх – ужас. Рапалльский договор «нарушал европейское равновесие, поскольку Германия и Советская Россия по совокупной мощи превосходили западные державы»^[239]. В ответ Лондон и Париж с одной стороны пошли на смягчение условий Версальского договора, а с другой Локарнским договором дали понять Германии, что Россия является не равноправным партнером, а объектом германской экономической (колониальной) экспансии на Восток, в концентрированном виде воспроизводя ситуацию предшествующую и приведшую к Первой мировой войне.

Гитлер совершенно четко определял причины Первой мировой: «В Германии перед войной самым широким образом была распространена вера в то, что именно через торговую и колониальную политику удастся открыть Германии путь во все страны мира или даже просто завоевать весь мир...». Но теория «мирного экономического проникновения» (экономической экспансии) потерпела поражение, мир уже был поделен между Великими демократиями. Для Германии оставался только один выход – «приобрести новые земли на востоке Европы, люди знали, что этого нельзя сделать без борьбы»^[240].

Еще до прихода к власти Гитлер не скрывал своих целей: «Восток будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья»^[241]. Новая война? А что же защитники демократии и мира? Ответ прозвучит в словах Коллье, который в год начала Второй мировой, говоря о политике кабинета Чемберлена, заметит: «Трудно избавиться от ощущения, что настоящий мотив поведения кабинета... указать Германии путь экспансии на восток, за счет России...»^[242]. А французская «*Matin*» на первой полосе будет открыто призывать: «Направьте германскую экспансию на восток... и мы на западе сможем отдохнуть спокойно»^[243].

Ограничение вооружений

Ограничение и сокращение вооружений было предусмотрено «четвертым пунктом» Вильсона: «соответствующие гарантии, данные и принятые, что вооружение народов будет уменьшено до низшей меры, совместимой с национальной безопасностью». Однако в мирных переговорах этот пункт вылился только во вступительные слова, предпосланные к принудительному разоружению побежденных, «чтобы сделать возможным начало ограничения вооружения всех народов...». Сокращению вооружений был посвящен параграф 8 соглашения о Лиге Наций. Он предусматривал совместное «сохранение мира... общими действиями международных обязательств...». Однако на практике никто не захотел брать на себя никаких обязательств. В итоге, как отмечал Н. Головин, «параграф 8 устава Лиги Наций превратился для держав, подписавших Версальский мирный договор в «международное» обязательство вести переписку на тему «об ограничении вооружений до низшей меры»^[244]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Записка Хауза о предварительном договоре, 9 апреля 1928 г. (Хауз..., т. 2, с. 485); Хауз..., т. 2, с. 438–439.

2.

Keynes J.M..., p. 128.

3.

Keynes J.M..., p.34.

4.

Хауз..., т. 2, с. 515

5.

Язьков Е.Ф..., с. 36.

6.

Daily Mail, Paris, 14 February 1919 (Хауз..., т. 2, с. 567)

7.

Ллойд Джордж 13 октября 1918, Хорэс Рамболд из Швейцарии 14 октября 1918.; Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 478 (Уткин А.И. Унижение России..., с. 161)

8.

Dallas G. 1918. War and Peace. London: Pimlico, 2000, p. 85 (Уткин А.И. Унижение России..., с. 188)

9.

Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. Москва, 1935, с. 275.

10.

Prince Max of Baden. The Memoirs of Prince Max of Baden. V. I. N.Y., 1928, p. 20 (Уткин А.И. Унижение России..., с. 185)

11.

Хауз..., т. 2, с. 444–446

12.

Keynes J.M. The Economic cosequences of the Peace. Printed by R. & R. Clarc, Limited, Edinburg, p. 35.

13.

Людендорф Э.... с. 776

14.

Людендорф Э.... с. 603

15.

Людендорф Э.... с. 622

16.

Людендорф Э.... с. 789

17.

Дирксен фон Г..., с. 10–12.

18.

Prince Max of Baden. The Memoires of Prince Max of Baden. V.II.N.Y., 1928, p. 319. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 220)

19.

Groener W. Lebenserinnerungen. Gottingen, 1957, s. 457–462. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 220)

20.

Людендорф Э.... с. 790

21.

Людендорф Э.... с. 791

22.

Людендорф Э.... с. 771

23.

Уткин А. И. Унижение России..., с. 208

24.

Mordacq J.-H. Le Ministere Cemenceau. Paris, 1930 Т. II, p. 344–352 (Уткин А.И. Унижение России..., с. 209–210)

25.

Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 503 (Уткин А.И. Унижение России..., с. 167)

26.

Dallas G. War and Peace. London: Pimlico, 2000, p. 168.

27.

Knowlton A. Berlin after the Armistice. Chicago, 1919, p. 77 (Уткин А. И. Унижение России..., с. 303)

28.

Соколов Б. Германская империя, с. 209–210

29.

Гитлер А..., с. 190–191

30.

Гитлер А..., с. 190–191

31.

В. Вильсон, речь от 22 января 1917 г. (Хауз..., т. 1, с. 559).

32.

Кейнс Д.М. Экономические последствия Версальского договора. – М.: Госиздат, 1924, с. 26–27. (Фуллер Дж. Ф..., с. 11–12).

33.

Николсон Г. Как делался мир в 1919 г. – М.: Огиз, 1945, с. 53. (Фуллер Дж. Ф..., с. 12).

34.

Nitti F.S. Peaceless Europe. 1922, p. 114. (Фуллер Дж. Ф..., с. 12–13).

35.

«Hansard». Vol. 113. H. of C. Deb. 5s, col. 84. (Фуллер Дж. Ф..., с. 13).

36.

Уткин А. И. Унижение России..., с. 277

37.

Blue Book, Cmd. 6106, 1939, p. 162. (Фуллер Дж. Ф..., с. 13).

38.

Churchill W. The Second World War. – London Pimlico. 2002. – 1034 p., p. 7.

39.

Г. Д. Уэллс..., с. 263

40.

Wilson W. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917–1924). Ed. By R. Baker and W. D o dd. V.I.N.Y., 1970, p.165. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 54)

41.

Хауз..., т. 2, с. 458

42.

Официальный американский комментарий к «14 пунктам», октябрь 1918 г. (Хауз..., т. 2, с. 480)

43.

Хауз..., т. 2, с. 458

44.

Steed. Through Thirty Years, v. II, p. 282 (Хауз..., т. 2, с. 557)

45.

Вильсон-Хаузу, 4 марта 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 596–597)

46.

Речь В. Вильсона в торговой палате Сент-Луиса, сентябрь 1919 г. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 514).

47.

Уткин А.И. Унижение России..., с. 456.

48.

Уткин А.И. Унижение России..., с. 516.

49.

Уткин А.И. Унижение России..., с. 511.

50.

Dallas G. 1918. War and Peace. London: Pimlico, 2000, p. 85 (Уткин А. И. Унижение России..., с. 188)

51.

Язьков Е.Ф..., с. 57.

52.

Churchill W..., p. 8.

53.

Churchill W..., p. 9.

54.

Головин Н. Тихоокеанская проблема..., с. 286.

55.

Вильсон-Хаузу, 30 октября 1918 г. (Хауз..., т. 2, с. 447)

56.

Советско-американские отношения..., с. 132.

57.

Советско-американские отношения..., с. 133.

58.

Советско-американские отношения..., с. 617–618.

59.

Ширер У..., т. 1, с. 508–509.

60.

Головин Н. Бубнов А. Тихоокеанская проблема в XX столетии..., с. 281.

61.

Дневник Хауза, 21 февраля 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 588)

62.

Хауз..., т. 2, с. 527

63.

Кейнс Дж. М. Пересмотр версальского мирного договора. / Кейнс Дж. М. Россия. 1922 г. / Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с., с. 677.

64.

Дневник Хауза, 16 марта 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 627)

65.

John Maynard Keynes, *The Economic Consequences of the Peace*, New York: Penguin Books, 1995 [1920], p. 200 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 127).

66.

John Maynard Keynes, *The Economic Consequences of the Peace*, New York: Penguin Books, 1995 [1920], p. 289–290, 294 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 129).

67.

Keynes J.M..., p. 138.

68.

Жан Моне. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. М., 2000, с. 111

69.

Information, 1921, 6 septembre (Викторов В. П. Политика французских радикалов и радикал-социалистов в правительстве А. Бриана // Актуальные проблемы новейшей истории Франции, Грозный, 1980, с. 10)

70.

Keynes J.M..., p. 133.

71.

Keynes J.M..., p. 140.

72.

Miller D. H. *What Really Happened at Paris*, p. 262 (Хауз..., т. 2, с. 588, примечание)

73.

Мирный договор между Союзными и Объединившимися Державами и Германией, подписанный 28 июня 1919 г., часть VIII: Репарации, отдел I, с. 231 («Версальский мирный договор»). М., 1925. [25]

74.

Keynes J.M..., p. 200–203.

75.

Keynes J.M..., p. 200–203.

76.

Keynes J.M..., p. 200–203.

77.

Keynes J.M..., p. 200–203.

78.

Keynes J.M..., p. 102.

79.

Keynes J.M..., p. 101.

80.

Keynes J.M..., p. 95.

81.

Keynes J.M..., p. 64–67.

82.

Keynes J.M..., p. 70–74.

83.

Steed. Through Thirty Years, v. II, p. 317 (Хайз..., т. 2, с. 629)

84.

Ludwig Holtfrerich, L'infazione tedesca 1914–1923 (Die deutsche Infation) (Bari: Laterza, 1989 (1980)), p. 128. (Препарата Г..., с. 178).

85.

Ллойд Джордж – Вильсону апрель 1919 г. D. Lloyd George. The Truth about Reparations and War Debts. London, 1932, p. 105–107. (Восленский М..., с. 232).

86.

8 марта 1919 г. казначейство США D. Lloyd George. The Truth about Reparations and War Debts. London, 1932, p. 105–107. (Восленский М..., с. 232). См. также: Felix D. Walther Rathenau and the Weimar Republic: The Politics of Reparation. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971, p. 16. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 526.)

87.

Geminello Alvi, Dell'estremo occidente. Il secolo americano in Europa. Storie economiche (Firenze: Marco Nardi Editore, 1993), p. 175). (Препарата Г..., с. 178).

88.

Gerald Feldman, The Great Disorder. Politics, Economics and Society in the German Infation, 1914–1924. (Oxford: Oxford University Press, 1977), p. 333. (Препарата Г..., с. 179).

89.

Дневник Хауза, 4 января 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 528)

90.

Keynes J.M..., p. 269.

91.

Keynes J.M..., p. 264.

92.

Хауз Вильсону, 30 сентября 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 725–727)

93.

Хауз Вильсону, 30 июля 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 721–722)

94.

Хауз Вильсону, 30 сентября 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 725–727)

95.

Хауз..., т. 2, с. 527

96.

Дневник Хауза, 7 января 1919 г. (Хауз..., т. 2, с. 530–531)

97.

Wilson W. Papers. V. LIV, p. 493–494. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 371)

98.

Макконелл Кэмпбелл Р., Брю Стэнли..., с. т. 2, с...334.

99.

Churchill W..., p. 9.

100.

Черчилль У..., с. 210.

101.

Хауз..., т. 2, с. 639

102.

Хауз..., т. 2, с. 623–624

103.

Miller D. H. What Really Happened at Paris, p. 267 (Хауз..., т. 2, с. 628, примечание)

104.

Записка Хауза о предварительном договоре, 9 апреля 1928 г. (Хауз..., т. 2, с. 484–485)

105.

Хауз..., т. 2, с. 432–433.

106.

Хауз Вильсону, 5 ноября 1918 г. (Хауз..., т. 2, с. 464)

107.

Записка Хауза о предварительном договоре, 9 апреля 1928 г. (Хауз..., т. 2, с. 483)

108.

Ультиматум устанавливал ежегодные репарационные требования в размере 2 млрд... марок плюс 26 % годового германского экспорта. Требования по выплате аванса по репарациям странным образом совпали с убийством министра финансов Германии, пытавшегося восстановить ее финансовую систему, в августе 1921 г.

109.

Harry Kessler, Rathenau (Bologna: Il Mulino, 1995 (1928)), p.275 (Препарата Г..., с. 179).

110.

Gerald Feldman, The Great Disorder. Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924. (Oxford: Oxford University Press, 1977), p. 345. (Препарата Г..., с. 179).

111.

Carroll Quigley, Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time, New York: Macmillan Company, 1966, p. 307 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 191).

112.

Фест И. Путь наверх..., с. 271.

113.

Keynes J.M..., p. 96.

114.

Додд У..., с. 413

115.

Грызун В..., с. 558

116.

Официальная статистика Рейхсбанка и данные Берлинской биржи, с 1918-го по 1923 гг. – I. Benoist-Mechin, Histoire de l'armee allemande, Paris: Editions Albin Michel, 1966, Vol. 2, p. 205; Andre Fourgeaud, La depreciation et la revalorisation du Mark allemand, et les enseignements de l'experience monetaire allemande, Paris: Payot, 1926, p. 11 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 189, таблица 3.1).

117.

Кремлев С. Россия и Германия..., с. 253–254.

118.

Тиссен Ф..., с. 85–86.

119.

Кремлев С. Россия и Германия..., с. 254.

120.

Ференбах О..., с. 78

121.

Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 199–200.

122.

Viscount D'Abernon, The Diary of an Ambassador, New York: Doubleday, Doran & Company Inc., 1929, p. 329 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 193).

123.

Fritz K. Ringer, The German Inflation of 1923, New York: Oxford University Press, 1969, p. 94 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 192).

124.

Clark, Gregory. Inflation on the Industrialized World. // University of California, Davis, ECN 110B. Spring 2002. Chapter 11, p. 8.

125.

Кейнс Дж. М. Пересмотр версальского мирного договора. / Кейнс Дж. М. Россия. 1922 г. / Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с., с. 675.

126.

Keynes J.M..., p. 203.

127.

Hermann Jacques, Allemagne, societe a responsabilitee limitee, Paris: Editions de la revue mondiale, 1932, pp. 118, 141 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 196).

128.

Keynes, J.M..., P. 376.

129.

Keynes, J.M. How to Pay for the War, in Collected Writings of John Maynard Keynes, vol. IX. New York: Cambridge University Press, 1972. – P. 379.

130.

F.W. Henning, Das industrialisierte Deutschland 1914 bis 1972. (Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1974), p. 42–43. (Препарата Г..., с. 150–151)

131.

Matthias Erzberger, Reden zu Neuordnung des deutschen Finanzwesens (Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1919), p. 4–6; Ludwig Holtfrerich, L'inflazione tedesca 1914–1923 (Die deutsche Inflation) (Bari: Laterza, 1989 (1980)), p. 280. (Препарата Г..., с. 151).

132.

Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 197, 410.

133.

Epstein, Erzberger, pp. 336–343. (Препарата Г..., с. 153).

134.

Epstein K. Matthias Erzberger and Dilemma of German Democracy. Princeton, 1959, p.380. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 527.)

135.

Epstein, Erzberger, pp. 336–343. (Препарата Г..., с. 153).

136.

А. Уткин: «его налоговая политика была воистину свирепой». (Уткин А.И. Унижение России..., с. 527).

137.

Johannes Erger, Der Kapp-Lüttwitz Putsh. Bin Beitrag zur deutschen Innenpolitik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1967, p. 78. (Препарата Г..., с. 154).

138.

Johannes Erger, Der Kapp-Lüttwitz Putsh. Bin Beitrag zur deutschen Innenpolitik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1967, p. 77. (Препарата Г..., с. 154).

139.

Erich Eyck, Storia della repubblica di Weimar, 1918–1933 (Geschichte der Weimarer Republik) (Torino: Giulio Einaudi Editore, 1966 (1956)), p. 152; Epstein, Erzberger, p. 367; Ernst Troeltsch, La democrazia improvvisata, la Germania dal 1918 al 1922 (Napoli: Guida Editori, 1977 (1924)), p. 111. (Препарата Г..., с. 155).

140.

Costantino Bresciani-Turroni, The Economics of Inflation, New York: Augustus M. Kelley Publishers, 1968 [1931], p. 58 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 195).

141.

Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 197.

142.

Ludwig Holtfrerich, L'infazione tedesca 1914–1923 (Die deutsche Inflation), Bari: Laterza, 1989 [1980], p. 290–295 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 196).

143.

Коваль К.И..., с. 186.

144.

Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 198.

145.

Keynes J.M..., p. 220–221.

146.

Keynes, J.M..., P. 376.

147.

Ширер У..., т. 1.

148.

Генри Э..., с. 13.

149.

Walther Rathenau, In Days to Come (Von kommenden Dingen), London: George Allen & Unwin, 1921 [1917], p. 158 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 180–181).

150.

Тиссен Ф..., с. 85–86.

151.

Clark, Gregory. Inflation on the Industrialized World. // University of California, Davis, ECN 110B. Spring 2002. Chapter 11, p. 9.

152.

Кремлев С. Россия и Германия..., с. 258.

153.

Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 193–194.

154.

Andre Fourgeaud, La depreciation et la revalorisation du Mark allemand, et les enseignements de l'experience monetaire allemande, Paris: Payot, 1926, p. 93–94 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 194).

155.

Andre Fourgeaud, La depreciation et la revalorisation du Mark allemand, et les enseignements de l'experience monetaire allemande, Paris: Payot, 1926, p. 94–96 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 194).

156.

Andre Fourgeaud, La depreciation et la revalorisation du Mark allemand, et les enseignements de l'experience monetaire allemande, Paris: Payot, 1926, p. 13; Geminello Alvi, DeU'restremo occidente. Il secolo americano in Europa. Storia economica, Firenze: Marco Nardi Editore, 1993, p. 181; Max Hermant, Les paradoxes économiques de l'Allemagne moderne 1918–1931, Paris: Librairie Armand Collin, 1931, p. 54–55 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 194–196).

157.

Adolf Hitler, Hitler's Secret Conversations 1941–1944, New York: Farrar, Straus & Young, 1953, p. 54 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 198–199).

158.

Keynes J.M..., p. 221–222.

159.

Мизес Л. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война./Пер. Б.С. Пинскера, под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2009. xii + 466 с., с. 301, 308.

160.

Мизес Л. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война./Пер. Б.С. Пинскера, под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2009. xii + 466 с., с. 284–285.

161.

Мизес Л. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война./Пер. Б.С. Пинскера, под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2009. xii + 466 с., с. 308.

162.

Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 200.

163.

Costantino Bresciani-Turroni, The Economics of Inflation, New York: Augustus M. Kelley Publishers, 1968 [1931], p. 329 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 191).

164.

Quigley Carroll, Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time, New York: Macmillan Company, 1966, p. 258 (Эпперсон Р..., с. 93.)

165.

Warburg James P. The West in Crisis, p. 35. (Эпперсон Р..., с. 92.)

166.

Папен Ф..., с. 106.

167.

Папен Ф..., с. 122.

168.

Кейнс Дж. М. Пересмотр версальского мирного договора. / Кейнс Дж. М. Россия. 1922 г. / Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с., с. 676.

169.

Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 201.

170.

Hjalmar Schacht, My First Seventy-six Years. The Autobiography of Hjalmar Schacht, London: Allen Wingate, 1955, p. 188 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 244).

171.

Andrew Boyle, Montagu Norman, London: Cassell, 1967, p. 169 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 244).

172.

Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 242–243.

173.

Anton Chaitkin, *Treason in America, from Aaron Burr to Averell Harriman.*, New York: New Benjamin Franklin House, 1985, p. 546 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 243).

174.

Andrew Boyle, Montagu Norman, London: Cassell, 1967, p. 171 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 244).

175.

Hjalmar Schacht, *My First Seventy-six Years. The Autobiography of Hjalmar Schacht*, London: Allen Wingate, 1955, p. 194 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 244–245).

176.

Demetre Delivanis, *La politique des banques allemandes, en matiere de credit a court terme*, Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1934, p. 53 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 247–248).

177.

Geminello Alvi, *DeU'restremo occidente. II secolo americano in Eumpa. Storie economiche*, Firenze: Marco Nardi Editore, 1993, p. 198 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 248).

178.

Тиссен Ф..., с. 100–101.

179.

Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 248–249.

180.

Geminello Alvi, *Dell'estremo occidente. II secolo americano in Europa. Storie economiche*, Firenze: Marco Nardi Editore, 1993, p. 195 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 245).

181.

Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 245.

182.

Geminello Alvi, *Dell'estremo occidente. II secolo americano in Europa. Storie economiche*, Firenze: Marco Nardi Editore, 1993, p. 197 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 245).

183.

Carroll Quigley, *Tragedy and Hope. A History of the World in Our Time*, New York: Macmillan Company, 1966, p. 308 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 246).

184.

Geminello Alvi, *DeU'restremo occidente. II secolo americano in Eumpa. Storie economiche*, Firenze: Marco Nardi Editore, 1993, p. 197–198 (Препарата Г., Гитлер, Инс., с. 246).

185.

Keynes J. V. The Collected Writings of John Maynard Keynes V. XVI. London: Macmillian, 1971, p. 437–440.

186.

Ludwig Holtfrerich, L'infazione tedesca 1914–1923 (Die deutsche Infation), Bari: Laterza, 1989 [1980], p. 149 (Препарата Г..., с. 191).

187.

Из синдикатов Уолл-стрит, назначенных размещать американский транш займа Дауэса, «Морган и К°» получили 865 тысяч долларов в виде обычных комиссионных (53 % от общей суммы) (Geminello Alvi, DeU'restremo occidente. II secolo americano in Eumpa. Storie economiche, Firenze: Marco Nardi Editore, 1993, p. 208 (Препарата Г..., с. 247)).

188.

Demetre Delivanis, La politique des banques allemandes, en matiere de credit a court terme, Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1934, p. 53 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 247–248).

189.

Garl T. Schmidt, German Business Cycles, 1924–1933, New York: National Bureau of Economic Research, 1934, p. 71 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 249).

190.

Theo Balderston, The Origins and Causes of the German Economic Crisis, November 1923 to May 1932, Berlin: Haude & Spener, 1993, p. 140 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 249).

191.

Charles L. Mowat, Britain Between the Wars, 1918–1940, Chicago: University of Chicago Press, 1955, p. 373 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 245).

192.

Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 251.

193.

Garet Garrett, The Rescue of Germany & As Noble Lenders, New York: The Chemical Foundation, 1931, p. 36–40 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 251).

194.

Louis T. McFadden, Collected Speeches of Congressman Louis T. McFadden, as Compiled from the Congressional Record, Hawthorne, CA: Omni Publications, 1970, p. 57 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 250).

195.

Arthur Rosenberg, Storia della repubblica tedesca (Deutsche Republik), Roma: Edizioni Leonardo, 1945 [1934], p. 193 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 251).

196.

История второй мировой войны. 1939–1945. Том 1: Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М., 1973, с.20 (Грызун В..., с. 28–29)

197.

Erich Kastner, Fabian: The Story of a Moralist, Evanston: Northwestern University Press, 1990 [1931], p. 33 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 252).

198.

Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 249.

199.

Keynes J. The Collected Writings. V. XVI. London, Macmillan, 1971, p. 441. (Уткин А.И..., с. 499)

200.

Источник: разница в процентных ставках по кредитам в Германии и США – макроэкономическая база данных Национального бюро экономического анализа (ряд 13028: доход по золотым облигациям, ряд 13033: доход по восьмилетним облигациям США); (ряд 13016: ставки по кредитам на лондонском открытом рынке). (A. Ritschl Department of Economics University of Zurich/Switzerland and CEPR June, 1999 Corresponding address: Dept. of Economics, Universitat Pompeu Fabra, Ramon Trias Fargas, 25–27, 08005 Barcelona/Spain. E-mail: ritschl@upf.es.

201.

Источник: германские заказы – Wangemann (1935, стр. 228, ряд 66), иностранные заказы – Wangemann (1935, стр. 228, ряд 67), индекс Берлинского фондового рынка – Wangemann (1935, стр. 115, ряд 2, пересчет по ценам оборудования; стр. 105, ряд 27) (A. Ritschl Department of Economics University of Zurich/Switzerland and CEPR June, 1999 Corresponding address: Dept. of Economics, Universitat Pompeu Fabra, Ramon Trias Fargas, 25–27, 08005 Barcelona/Spain. E-mail: ritschl@upf.es.)

202.

Link, W. (1970) Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921–32, Düsseldorf: Droste. Peter Temin and the Onset of the Great Depression in Germany: A Reappraisal Albrecht Ritschl Department of Economics University of Zurich/Switzerland and CEPR June, 1999.

203.

Источник: чистый импорт капитала в Германию. Бундесбанк (1976, стр. 328) (A. Ritschl Department of Economics University of Zurich/Switzerland and CEPR June, 1999 Corresponding address: Dept. of Economics, Universitat Pompeu Fabra, Ramon Trias Fargas, 25–27, 08005 Barcelona/Spain. E-mail: ritschl@upf.es.)

204.

Коваль К.И..., с. 183.

205.

Schuker. S. American Reparations to Germany, 1924–1933, Princeton: Princeton University Press 1988.

206.

Тиссен Ф..., с. 101–102.

207.

Тиссен Ф..., с. 96–97.

208.

Фест И. Путь наверх..., с. 427.

209.

Ritschl Albrecht. Was Schacht rigt? Reparation the Young plan, and the Great Depression in Germany. Universitat Pompeu Fabra (Barcelona/Spain) and CEPR. November 1996.

210.

Буллок А..., т. 1, с. 224.

211.

Ritschl Albrecht. Was Schacht rigt? Reparation the Young plan, and the Great Depression in Germany. Universitat Pompeu Fabra (Barcelona/Spain) and CEPR. November 1996.

212.

Кеннеди М. Деньги без процентов и инфляции. – М.: Московская правда, Lilalex 1993 – 96с.

213.

James H. The German Slump. Politics and Economics 1924–1936. Oxford: Clarendon Press, 1986. Цит. по Аникин А. История финансовых потрясений. – М.: Олимп-Бизнес. 2000. – 384 с. [207]

214.

James H. The German Slump. Politics and Economics 1924–1936. Oxford: Clarendon Press, 1986

215.

Hjalmar Schacht, Das Ende der Reparationen, Oldenburg: Gerhard Stalling, 1931, pp. 97–127; Geminello Alvi, DeU'restremo occidente. Il secolo americano in Eumpa. Storie economiche, Firenze: Marco Nardi Editore, 1993, p. 318 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 285).

216.

Язьков Е.Ф...

217.

Barry Eichengreen, Golden Fetters. The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939, New York: Oxford University Press, 1992, p. 272 (Препарата Г., Гитлер, Inc., с. 287).

218.

Коваль К.И..., с. 184.

219.

Додд У..., с. 34

220.

Коваль К.И..., с. 185.

221.

Официальный американский комментарий к «14 пунктам», октябрь 1918 г. (Хауз..., т. 2, с. 469–470)

222.

Wilson W. The Papers of Woodrow Wilson (Link A. e.a. eds). V. LIII. Princeton: Princeton University Press, p. 372–375. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 264)

223.

Уткин А. И. Унижение России..., с. 408

224.

Хауз-Вильсону, 27 ноября 1918 г. (Хауз..., т. 2, с. 507)

225.

Уткин А. И. Унижение России..., с. 408

226.

Mayer A. Politics and Diplomacy of Peace making, N.Y., 1967 p. 647. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 337)

227.

«Тан» 10 ноября 1918 г. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 246.)

228.

Kent B. The Spoils of War. Oxford, 1989, p. 34–35. (Уткин А.И. Унижение России..., с. 279.)

229.

Хауз..., т. 2, с. 452–453

230.

Keynes J.M..., p. 93.

231.

Keynes J.M..., p. 61.

232.

Keynes J.M..., p. 70–74.

233.

Keynes J.M..., p. 75.

234.

Keynes J.M..., p. 80–90.

235.

Bergmann K. Der Weg der Reparation. Von Versailles über den Dawesplan zum Ziel. Frankfurt, 1926, s. 374. (Коваль К.И., Последний свидетель..., 179).

236.

Keynes J.M..., p. 270.

237.

Keynes J.M..., p. 275.

238.

Keynes J.M..., p. 277.

239.

Хаффнер С. Дьявольский пакт (Ференбах О..., с. 82, 84–85)

240.

Гитлер А. Моя борьба. – М.: Витязь. 2000. – 587 с., с. 110 –120, 130.

241.

Проектор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985,с. 303, 304. (Кожин В.В..., с. 21)

242.

Collier to Strang, Apr. 28, 1939, C6206/3356/18, PRO FO 371 23064 (Карлей М..., с. 180)

243.

Tabois. The Called Me Cassandra, pp. 386–387. (Карлей М. Дж..., с. 127).

244.

Головин Н. Тихоокеанская проблема..., с. 283–284.